

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная статья

УДК 93/94(470.6)+314.1+338+327

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60

EDN: AKIMGC

**ГЛОБАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ (РОССИЙСКИЙ)
КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ****Аслан Хажисмелович Боров**Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Аннотация: Один из северокавказских регионов – Кабардино-Балкарская Республика со всем комплексом своих исторически сложившихся социоэкономических и социокультурных характеристик вместе со всей страной, входит в «эпоху грандиозных перемен». Этим обусловлен выбор предмета исследования и содержание предлагаемой статьи – анализ процессов глобального и национального (российского) уровня, которые формируют общий контекст современного развития Кабардино-Балкарии, и с большой вероятностью будут определять условия ее существования на горизонте 10-15 ближайших лет. Прежде всего, это развитие информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект, и основанная на них четвертая промышленная революция. Россия не может не включиться в глобальную научно-технологическую гонку, но она имеет неблагоприятные стартовые позиции. Серьезным сдерживающим фактором экономического прогресса страны выступает демографический переход. И отставание в научно-технологической сфере, и демографические проблемы имеют геополитическое измерение. Идет трансформация миропорядка, и Россия не может уклониться от роли одного из центров в его новой конфигурации. При этом, независимо от меры включения территории региона в процессы современного развития, его основные тенденции будут определять структуру возможностей для каждого члена регионального социума. Эта ситуация порождает двойной вызов для региональных властей и общества. Во-первых, внешние (геополитические) препятствия и внутренние (ресурсные) ограничения для активной государственной политики регионального развития повышают ответственность и роль самого региона в достижении ее целей. Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях «вынесения» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия несет угрозу дезинтеграции традиционных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности. Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, глобальные мегатренды, инновации, развитие, культурно-историческая идентичность.

Для цитирования: Боров А.Х. Глобальный и национальный (российский) контекст современного регионального развития // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 16-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60. EDN: AKIMGC.

© Боров А.Х., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

GLOBAL AND NATIONAL (RUSSIAN) CONTEXT OF CURRENT REGIONAL DEVELOPMENT

Aslan Kh. Borov

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik,
Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Abstract. One of the North Caucasus regions, the Kabardino-Balkarian Republic, with its entire complex of historically established socioeconomic and sociocultural characteristics, along with the entire country, is entering an "era of monumental change." This motivates the choice of research subject and the content of this article—an analysis of global and national (Russian) processes that shape the overall context of Kabardino-Balkaria's contemporary development and will likely shape its existence over the next 10-15 years. Primarily, this is the development of information and communications technologies, including artificial intelligence, and the fourth industrial revolution based on them. Russia is inevitably joining the global scientific and technological race, but it has an unfavorable starting position. The demographic transition is a serious constraint on the country's economic progress. Both the scientific and technological lag and demographic challenges have geopolitical dimensions. The world order is undergoing a transformation, and Russia cannot avoid its role as one of the centers in its new configuration. At the same time, regardless of the extent to which a region's territory is integrated into contemporary development processes, its fundamental trends will determine the structure of opportunities for each member of regional society. This situation poses a dual challenge for regional authorities and society. First, external (geopolitical) obstacles and internal (resource) constraints on proactive state policy for regional development increase the region's own responsibility and role in achieving its goals. Second, adaptation to the modern evolutionary process through individual innovative behavior, in the context of social relations are being "lifted out" from local contexts of interaction, poses the threat of disintegration of traditional sociocultural systems, a disruption in the historical continuity of their existence, and a loss of identity. This is a fundamental aspect of the problem of the interaction between tradition and innovation in the contemporary development of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, global megatrends, innovations, development, cultural-historical identity.

For citation: Borov A.Kh. Global and national (Russian) context of current regional development. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 16-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60. EDN: AKIMGC.

© Borov A.Kh., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Место текущей современности в российском историческом процессе определяется диалектическим совмещением в ней двух экзистенциально значимых потребностей: потребности в устойчивом поддержании своей культурно-исторической идентичности и потребности в эффективном развитии, выходе на авангардные позиции в глобальном экономическом и научно-технологическом прогрессе.

Выступая на заседании Валдайского клуба 21 октября 2021 г. В.В. Путин говорил о разворачивающейся в настоящее время эпохе «грандиозных перемен», о том, что «мы в ней уже живём, хотим мы того или нет, и перемены эти всё

глубже, всё фундаментальнее», что «трансформация, свидетелями и участниками которой мы являемся, иного калибра, чем те, что неоднократно случались в истории человечества, во всяком случае из тех, что мы знаем» [Заседание... 2021]. А заседание Совета безопасности РФ 10 июня 2025 г. было посвящено вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В своем выступлении Президент подчеркивал, что это тема «крайне значимая и актуальная», напрямую связанная с обеспечением «преемственности нашего развития как государства, народа, общества», поскольку традиционные ценности – это «нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий» [Заседание Совета... 2025]. И уже через три недели, 3 июля того же года на Форуме Агентства стратегических инициатив речь шла о предстоящем колоссальном шаге вперед, о запуске нового этапа технологического развития, который «должен в полном смысле слова стать новым временем для России» [Форум... 2025].

Данные положения приведены не для формального обоснования «актуальности» предлагаемого исследования. Главное, о чем они говорят – это наличие определенных проблем современного развития страны. И весьма важно, что вышеозначенные вопросы выносятся руководством страны в публичное пространство – это еще одно свидетельство того, что современное развитие России характеризуется рефлексивностью. В психологии личности используется понятие *временная перспектива*, обозначающее полную совокупность существующих в данный момент времени представлений индивидуума о своём психологическом будущем и психологическом прошлом [Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025]. В структуре личности они могут присутствовать неосознанно. Но современное общество не может себе позволить «неосознанного» функционирования. Э. Гидденс, на мой взгляд, убедительно показал, что фундаментальное отличие современного общества от традиционного не сводится к присущей ему «тяге к новому». Скорее оно характеризуется презумпцией всеобъемлющей рефлексивности, которая включает в себя и рефлексии о природе самой рефлексии [Giddens 1990: 39]. Рефлексивность – это способность и готовность общества к постоянному критическому анализу, переоценке и трансформированию собственных институтов и практик в ответ на новые условия существования и новое социально-научное знание. Всеобъемлющая рефлексивность с необходимостью приобретает региональное и историческое измерения, поскольку в пространстве она охватывает социокультурное многообразие территориальных единиц общества, а во времени соотносит прошлое и настоящее.

Предлагаемая статья выросла из размышлений автора о перспективах одного из северокавказских регионов – Кабардино-Балкарской Республики в глобальном и национальном российском контекстах современного развития. Регион со всем комплексом своих исторически сложившихся социоэкономических и социокультурных характеристик вместе со всей страной, входит в «эпоху грандиозных перемен». Тем самым релятивизируется граница между прошлым и настоящим, и их понимание опосредуется видением желаемого будущего. Фундамен-

тальная основа единства прошлого и настоящего состоит в том, что каждый данный момент в истории характеризуется определенным взаимодействием традиций (прошлого) и инноваций (будущего), а результаты этого взаимодействия выступают как движение истории в том или ином направлении. Этим взаимодействием определяются сегодня координаты актуальной ситуации в региональном историческом времени и координаты региона в переживаемом современной Россией историческом времени.

Время прошлого нам уже известно как динамичное, заполненное явлениями и событиями. Причинно-следственные связи между ними не обрываются в какой-то момент, а продолжают действовать и сегодня, прошлое как бы сливается с настоящим [Савельева, Полетаев 1997: 96]. Поэтому время прошлого познаваемо и в значительной мере познано исторической наукой. Это знание может быть синтезировано в обобщающем историческом нарративе как единый и продолжающийся эволюционный процесс. Эволюционный подход к интерпретации регионального исторического процесса привел к заключению, что его структура в XXI в. та же, что в XIX и XX вв. Суть ее в том, что ключевым механизмом социально-культурной эволюции этнических обществ региона является адаптация к внешним условиям их существования [Боров 2025].

Вся история кабардинцев и балкарцев XV-XVIII вв. – это история освоения и хозяйственного использования ими физического пространства Центрального Кавказа, утверждения и поддержания их феодальными элитами устойчивого положения этнических обществ в социально-политическом пространстве Кавказа. Это была фаза специфической эволюции. В процессе адаптации к природно-географическим и социально-политическим условиям среды сложились своеобразные характеристики хозяйственной, социальной и потестарно-политической организации исторической Кабардино-Балкарии как этно-социо-территориального образования.

Вся история региона с конца XVIII в. – это история того, как изменения в окружающей среде воздействовали, воспринимались и отражались в эволюции традиционных социальных систем народов Кабардино-Балкарии. На протяжении 250 лет вплоть до настоящего времени региональный социум перманентно сталкивается с необходимостью адаптации не к статичным условиям неизменной среды, а именно к ее изменениям, к инновациям. Траектория адаптационного процесса разворачивалась от первоначальной коллизии этносоциальной традиции и имперского государственного порядка – к привыканию и освоению его норм, а затем – к соразвитию, к *синхронизации времени мирового и времени местного*. К концу советской эпохи инновации получают преимущество перед традицией в массовом сознании и массовых социальных практиках. Общество выходит на траекторию общей социальной эволюции, а в перспективе – и эндогенной модернизации. Перспектива эндогенной модернизации региона была радикально подорвана глубоким кризисным спадом и деиндустриализацией экономики 1990-х гг., но возвращения в архаику, к «до-современному» традиционному обществу не произошло. Состояние социальной и научно-образовательной инфраструктуры, показателей человеческого развития и социокультурных установок массы населения позволяет считать, что в Кабардино-Балкарии возможна реализация

стратегии модернизации, интегрирующей направления и формы обеих ее стадий – первичной, индустриальной и вторичной, информационной. Таков реальный эволюционный итог развития Кабардино-Балкарии к началу XXI столетия. Но настоящее обретает свой смысл в его соотнесении не только с прошлым, но и с будущим.

Время будущего еще лишено конкретного наполнения и в этом смысле – «закрыто» для нас. Связь будущего с настоящим может быть раскрыта в субъективной перспективе – как проекция целей и воли социального субъекта, или/и в объективной перспективе – как совокупность факторов и тенденций, формирующих внешнюю для социального субъекта среду, условия его существования. Тем самым устанавливается взаимосвязь «пространства опыта» (space of experience) с «горизонтом ожиданий» (horizon of expectation) [Koselleck 2004: 255-276]. Уже сегодня очевидны два обстоятельства, свидетельствующие, что будущее «фактически уже здесь». Во-первых, глобальный/общий эволюционный процесс – научно-технологический, экономический, социальный, культурный – ускоряется. Во-вторых, это происходит в условиях, когда Российское общество открылось для того, что Э. Гидденс назвал «пространственно-временной дистанциацией», т.е. «вынесением» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их функционированием в неограниченных пространственно-временных масштабах [Giddens 1990: 17-29]. Эти обстоятельства определяют масштаб и глубину исторического вызова, встающего перед Кабардино-Балкарией как российским регионом.

Впервые в истории глобальная инновационная динамика предъявляет прямые, непосредственные требования к научно-технологическому, экономическому и культурно-идеологическому «оснащению» региона. Соизмеримое с ней инновационное развитие – это условие сохранения (или обретения) регионом достойного места в стране, а страной – достойного места в мире.

Во внутригосударственном плане историческая новизна заключается в том, что несмотря на внешнее давление и угрозы, Российское государство сохраняет свою демократическую природу. Таким образом, гражданское сообщество Кабардино-Балкарской Республики имеет принципиальную возможность выступить как зрелый социально-политический субъект инновационных научно-технологических и экономических, а равно и демократических политических практик, способствующих успешному решению общенациональных задач. Это не благопожелание, а требование исторического момента. Разработка стратегий и программ социально-экономического и научно-технологического развития регионов уже официально вменяется в обязанность субъектов федерации.

Чтобы такого рода документы не остались формальным техническим дополнением к рутинным управленческим практикам, чтобы регион обрел способность включиться в инновационную динамику в качестве ее активного и эффективного субъекта, в нем прежде всего должна реализоваться функция интеллектуального освоения актуальной реальности, в которой он находится – глубокая социальная рефлексия, формирование подлинно стратегического видения объективных возможностей и ограничений собственного развития.

Имеет ли смысл подобная рефлексия для небольших регионов, не располагающих ресурсами для лидерства или существенного влияния на общенациональные социально-экономические процессы? Имеет, как минимум, по двум основаниям. Во-первых, республика не может себе позволить оказаться «слабым местом» государственного пространства в условиях геополитического давления со стороны Запада, несущего угрозу суверенитету и целостности России. Во-вторых, трезвое и глубокое видение реальностей окружающего мира для малых сообществ, если они стремятся хоть как-то влиять на свою судьбу, имеет не меньше смысла, чем для сверхдержавы, стремящейся влиять на судьбы мира.

Первый шаг в этом направлении – это фиксация важнейших глобальных тенденций развития, второй шаг – это фиксация отражения основополагающих тенденций в непосредственных условиях регионального развития – в экономике и политике российского государства.

Этим обусловлен выбор предмета исследования и содержание предлагаемой статьи – анализ процессов глобального и национального (российского) уровня, которые формируют общий контекст современного развития Кабардино-Балкарии, и с большой вероятностью будут определять условия ее существования на горизонте 10-15 ближайших лет.

1. Сквозные линии современного развития (мегатренды)

1.1. Понятие мегатрендов

Характерной чертой практики истолкования современного этапа мирового развития в социально-научной мысли является указание на его рубежное значение, предвещающее глубокие качественные изменения практически во всех сферах общественной жизни – в науке и технологиях, экономике и образе жизни, в политике и культуре; охватывающих все уровни организации человеческого общества – глобальный, национально-государственный, региональный и локальный. Одним из понятий, обозначающих наблюдаемые сегодня явления и процессы, которые позволяют предвидеть будущее, стало понятие *мегатрендов*. Оно вошло в обиход с начала 1980-х гг. после выхода в свет книги Джона Нейсбитта (1929-2021) «Мегатренды: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь» [Нейсбитт 2003 (1982)], ставшей бестселлером. Она суммировала новые явления в технологиях, экономике, образе жизни, политике Соединенных Штатов Америки, явственно обозначившиеся на протяжении 1970-х гг. В 1990 г. Дж. Нейсбитт в соавторстве с женой, Патрисией Абердин, издал новую книгу, посвященную уже глобальным мегатрендам предстоящего десятилетия [Naisbitt, Aburdene 1990]. В ней было формально определено их понимание мегатрендов. Мегатренды это «масштабные социальные, экономические, политические и технологические изменения»; это явления, которые не появляются и не исчезают вдруг – они формируются медленно, и, однажды закрепившись, оказывают свое влияние в течение некоторого времени – от семи до десяти лет, а то и дольше [Naisbitt, Aburdene 1990: XVII-XVIII].

В понимании австралийского исследователя Стефана Хайковича мегатренд – это «глубинная траектория социальных, экономических, экологических или

технологических изменений, происходящих в течение ближайших десятилетий», причем поначалу изменения происходят постепенно, «но затем проявятся с взрывной силой» [Hajkowicz 2015: 14].

Российские авторы В. Егоров и В. Штоль предложили свое прочтение актуального состава и характера мегатрендов – *основных глобальных процессов, формирующих направления цивилизационного развития*, – которые следует отличать от, хотя и четко проявляющихся, но все же тенденций, относящихся к конкретной социальной политической или иной локации (территориальной или отраслевой) [Егоров, Штоль 2023: 64].

Организаторы программы Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста» в Национальном центре «Россия» определяют мегатренды как *«ключевые тенденции, определяющие траекторию мирового развития в ближайшее десятилетие»*¹.

Группа авторов, представляющих Австралийское правительственное агентство, отвечающее за научные исследования и их коммерческое и промышленное применение, осуществила обзор литературы о мегатрендах, появившейся в течение сорока лет (1982-2022), и суммировала присутствующие в ней характеристики этого явления как предварительное условие выработки общепринятого определения. Эти характеристики можно объединить в три кластера, отмеченные определенной внутренней диалектикой:

1. Для мегатрендов характерны продолжительность, масштаб и интенсивность воздействия, что противопоставляет их (просто) трендам, которые более кратковременны и оказывают меньшее влияние на общество в целом.

2. Мегатренды выступают как глобальные факторы изменений, которые, вероятно, повлияют на значительные сегменты человечества, охватывая политические, экономические, социальные, экологические или технологические изменения, но наряду с этим мегатренды применяются для изучения явлений на национальном уровне или микроэкономическом уровне (например, в конкретной отрасли, регионе, сфере или дисциплине).

3. Мегатренд трактуется не как предсказание или прогноз будущего, а оценка, основанная на текущих данных, или инструмент, помогающий людям выявлять более масштабные движения, что предполагает взаимосвязь и взаимное влияние мегатрендов друг на друга [Naughtin et al. 2024].

1.2. Номенклатура мегатрендов: обзор

Набор явлений, идентифицируемых как мегатренды, насчитывает в разных работах от пяти до двадцати пяти. Их состав зависит, в том числе, от направленности авторского интереса. Кроме того, зачастую одни и те же процессы получают у разных авторов различные обозначения. Анализ этих нюансов и выработка «правильного» списка мегатрендов не входят в круг задач данной работы, но привести несколько примеров в иллюстративных целях необходимо.

¹ Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: <https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov> (дата обращения 07.02.2026).

В основополагающей работе Дж. Нэйсбитта речь шла о десяти мегатрендах, которые он назвал «критическими направлениями перестройки» американского общества: от индустриального общества к информационному; от форсированной технологии (forced technology) к соединению технического прогресса с душевным комфортом (high tech/high touch); от национальной к мировой экономике; от краткосрочной к долгосрочной ориентации; от централизации к децентрализации; от упования на помощь институтов к опоре на свои силы; от представительной демократии к демократии участия; от иерархических структур к неформальным сетям; от севера к югу (США); от определения выбора в терминах или/или к свободному обществу с многовариантным поведением [Нэйсбитт 2003 (1982): 8-9]. В книге 1990 г. Дж. Нэйсбитт и П. Абердин в качестве «кандидатов» на роль «наиболее важных и всеобъемлющих трендов» предложили: глобальный экономический бум в 1990-е; возрождение искусств; возникновение рыночного социализма (free-market socialism); формирование универсального образа жизни и подъем культурного национализма; приватизацию государства благосостояния; возвышение тихоокеанского региона; десятилетие женского лидерства; век биологии; религиозное возрождение в новом тысячелетии; триумф индивидуальности [Naisbitt, Aburdene 1990: XIX].

С. Хайкович в работе 2015 г. идентифицировал семь мегатрендов, дав им образные и метафорические названия.

1. «Больше из меньшего» – *ограниченность ресурсов и превращение поиска способов делать больше из меньшего* в основополагающую задачу.

2. «Уходит, уходит... исчез?» – *беспрецедентные проблемы, стоящие перед биоразнообразием мира*.

3. «Шелковое шоссе» – *быстрый экономический рост и урбанизация в развивающихся странах* в ближайшие десятилетия перестроят мировую экономику и изменят образ жизни.

4. «Вечно молодой» – *старение населения мира*, рост хронических заболеваний и повышение риска инфекционных заболеваний в условиях большей мобильности населения требует больших инноваций в здравоохранении и структуре рабочей силы.

5. «Фактически (уже) здесь» – *информационные технологии* уже изменили образ жизни, работы и развлечений людей, но это только начало, в ближайшие десятилетия и столетие произойдут более глубокие и значительные изменения в бизнес-моделях, информационных потоках и взаимодействии между людьми.

6. «Большие надежды» – растущие ожидания общества и потребителей от *возможности приобретать новый опыт*, в противовес материальным товарам. Аутентичность, дружелюбие и персонализация являются важными характеристиками искомого опыта.

7. «Императив инноваций» – ускорение технологического прогресса и *важность инноваций*, движение к миру, где человеческие инновации делают (почти) всё возможным [Najkowicz 2015: 36-40].

Основатель и, до недавнего времени, председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб рассматривает в качестве мегатрендов 12 технологи-

ческих инноваций, выступающих драйверами четвертой промышленной революции, объединив их в четыре группы: 1) Расширение цифровых технологий (новые вычислительные технологии, технологии блокчейна и распределенных информационных систем, «интернет вещей», т.е. сети передачи данных между физическими объектами); 2) преобразование физического мира (искусственный интеллект и робототехника, передовые материалы, аддитивные технологии и многомерная печать); 3) изменение человека (биотехнологии, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность); 4) интеграция с окружающей средой (сбор, хранение и передача энергии, геоинженерия, космические технологии) [Schwab, Davis 2018].

Отталкиваясь от разработок Дж. Нейсбитта, В. Егоров и В. Штоль дополняют их представлениями о многоуровневом, системном и диалектическом характере актуальных мегатрендов. В каждом мегатренде присутствуют противоположные векторы, столкновение которых представляет собой источник нелинейного развития планетарной цивилизации [Егоров, Штоль 2023: 65, 66].

1. *Глобализация*. Она занимает центральное место в иерархии мировых трансформаций. Но одновременно с этим наблюдается возрастание роли территориальных и региональных сообществ, т.е. *регионализация*.

2. *Демократизация* – глобальный процесс децентрализации и расширения круга субъектов, активно влияющих на планетарную реальность. Ее диалектическая противоположность – *централизация*, проистекающая из включенности всех живущих на планете в систему доминирующих социально-экономических отношений.

3. *Становление информационного общества*, инициированный *информационно-коммуникационной революцией* (ИКР). Цифровизация создает качественно новый, когнитивный потенциал человечества, вершину которого составляет искусственный интеллект. Диалектическая противоположность этого мегатренда – стремление сил модерна сохранить архитектуру мироздания, основанную на фундаменте финансового доминирования узкого круга мировой элиты.

4. *Процесс демассификации социумов*, обретение индивидуальным носителем уникального набора знаний и информации – субъектности в планетарном социальном процессе. Но одновременно нарастающая *глобальная универсализация*, унификация культурных и потребительских моделей поведения и обретения национальными сообществами черт всеобщности.

5. Осознание необходимости движения по пути *построения регенеративной среды обитания*, встраивания экономики и потребления в природные циклы. Но одновременно – стремление к полной реализации индивидуальных потребностей, распространения своей власти на себе подобных и природу в целом [Егоров, Штоль 2023: 67-74].

Заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации М.С. Орешкин, выступая в Национальном центре «Россия» 30 января 2026 г., выделил пять мегатрендов эпохи глобальной трансформации, оговорив что в каждом из мегатрендов присутствует отпечаток искусственного интеллекта.

1. Глобализация. Модель последних десятилетий подошла к концу. Большая семерка теряет позиции, БРИКС поднимается. Доля семерки в населении 10 % и

к этому придет их доля в экономике. В глобальном ландшафте появляются новые акторы: социальные сети, криптовалюты. Глобализация становится пространством взаимодействия суверенных акторов. Три уровня суверенитета: государственный, общественный, социально-экономический. Полюсами могут стать только полностью суверенные страны и объединения.

2. Платформизация глобальной экономики и новый уровень автономности. Эволюция идет от автоматизации процессов через цифровизацию к автоматизации институтов (прежде всего рыночных). Цифровые платформы в отличие от компаний не имеют экономических пределов роста. Монополизация ими отдельных рынков может вести к «технологическому (цифровому) феодализму». Платформизация охватывает все сферы, и кто осуществит ее быстрее, тот выиграет. Будет происходить платформенная колонизация стран – пользователей платформ. Разработка собственных платформ – это вопрос суверенитета.

3. Закат традиционных финансов. Пределы накопления долга уже видны. Накопление долга имеет другой стороной накопление активов. Но накопление активов очень неравномерное. В США в 1990-е 1 % владел 22 %, активов, а сейчас – больше 30 %. Нынешняя мировая финансовая система очень затратна. Санкции отключают систему платежей через ключевые западные банки. Новые инструменты – блокчейн, ИИ, платформенные решения будут менять финансовую систему. Изменяется соотношение и функции центральных банков, коммерческих банков и бюджета.

4. Приближение пика численности населения и последующая демографическая катастрофа – депопуляция. Сокращение населения развитых стран изменит экономический ландшафт. Старение населения влечет за собой рост демографической нагрузки и сопутствующие проблемы. Актуализируется проблема активного долголетия.

5. Развитие человеческого капитала в новую технологическую эпоху. Рынок труда меняют: внедрение автономных систем; цифровые платформы и цифровая занятость; ИИ меняет структуру профессий; биотехнологии важны на фоне старения населения. Кардинально меняется образование под влиянием ИИ, и в негативном, и в позитивном смысле. Главным требованием к человеку становятся адаптивность, способность учиться и меняться вместе с современными технологическими инструментами в течение всей жизни¹.

1.3. Мегатренды как вызов для обществ и людей

Очевидно, что по отношению к любому отдельно взятому обществу мегатренды выступают как могущественные и комплексные многосторонние явления и процессы, которые не поддаются политическому или административному контролю и вызывают неоднозначные последствия.

Так, согласно К. Швабу, четвертую промышленную революцию как самостоятельное явление формируют следующие черты:

¹ Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: <https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov> (дата обращения 07.02.2026).

Темпы развития. В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами.

Широта и глубина. Она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся.

Системное воздействие. Она предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом [Шваб_2016: 9].

Противоречивы последствия развития ее различных элементов. Новые формы цифровых медиа все больше определяют индивидуальные и коллективные представления об обществе и сообществе. Но существование большого числа средств массовой информации, доступных по цифровым каналам, может привести к сужению и поляризации личных источников новостей, негативно повлиять на процесс принятия решений и создать угрозу для гражданского общества. Другой пример: технологии будут все более наделять граждан полномочиями, давая им новый способ выражать свои мнения, координировать усилия и, возможно, находить пути для обхода государственного надзора, но они же могут привести к усилению надзора и чрезмерной власти государственных органов благодаря новым технологиям наблюдения [Шваб 2016: 56, 75, 76].

И все же главный вызов, который мегатренды бросают обществу и человеку – это вызов обладания знаниями и компетенциями, понимания, ориентации в реальности. Упомянутый выше австралийский исследователь С. Хайкович сформулировал принцип отношения к мегатрендам: «Изменения, предвещаемые мегатрендами, находятся вне нашего прямого контроля, но не вне нашего влияния. Если мы можем читать мегатренды, мы можем изменить свою судьбу. Подобно океанским течениям, социальные, экономические, политические, технологические и экологические движущие силы глобальных изменений – мегатренды – являются мощными силами. Они постоянно действуют, перестраивая наш мир. Игнорируя эти силы, мы вредим себе, а если пытаемся плыть прямо против них, как правило, терпим неудачу. Но мы также терпим неудачу, если позволяем этим силам нести нас туда, куда они захотят. Чтобы достичь лучшего, нам нужно читать течения и предвидеть вероятные пункты назначения. Затем нам нужно разработать и реализовать стратегию. Стратегия включает в себя те действия, которые дают нашей компании, сообществу, обществу или нам самим наилучшие шансы на достижение наших целей и желаемого результата» [Hajkowicz 2015: 14].

Касаясь стратегий заинтересованных сторон в условиях четвертой промышленной революции, К. Шваб ставит на первое место: для правительств внедрение гибких подходов к управлению; и для бизнеса – учиться на практике, экспериментировать и инвестировать в людей. Для целей этой работы наибольший интерес представляют предлагаемые им стратегии для людей или для каждого человека И здесь на первое место он ставит «изучение, экспериментирование и видение», т.е. проникновение в новые технологии и размышление о том, какое бу-

дущее мы хотим создать, о том, как технологии и сообщества будут взаимодействовать в будущем. Это необходимо, чтобы люди могли быть политически активны – реагировать на то, как разрабатываются и внедряются технологии, занимать позицию и высказывать свое отношение. И именно это он рекомендует как вторую стратегию – Be political [Schwab, Davis 2018].

Важность обладания компетенциями в сфере мегатрендов подчеркивает в предисловии к российскому изданию книги К. Шваба Президент и председатель Правления ПАО Сбербанк Герман Греф. Он предупреждает, что четвертая промышленная революция окажет кардинальное влияние на всю структуру мировой экономики, и, если мы (Россия) хотим быть среди ее лидеров, мы должны понимать, в каком направлении будет происходить технологическое развитие в ближайшие годы, и какие прорывные инновации ожидают нас в будущем [Шваб 2016: 7].

Представляется, что необходимым шагом к пониманию характера вызовов, которые ставит перед обществом и государством России развитие мегатрендов является выделение в их ряду мегатрендов первого и второго порядка, т.е. базовых и производных, определяющих и результирующих.

На мой взгляд, к *мегатрендам первого порядка* можно отнести те из них, которые, во-первых, формируют и возможности, и труднопреодолимые объективные препятствия для наращивания конкурентных преимуществ и ресурсов (экономических, военно-политических и культурных), определяющих место той или иной страны в мире, а во-вторых, вызывают комплексные изменения в обществе, трансформирующие его социальную структуру, образ жизни и ценностные ориентации людей. Сюда относятся: 1) Развитие информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект, и основанная на них четвертая промышленная революция. 2) Демографический переход, старение населения и депопуляция развитых стран и регионов мира, миграции и усложнение состава населения; 3) Современный этап глобализации и перестройка миропорядка, выступающие для каждой отдельной страны как объективная реальность.

Мегатренды второго порядка отражают эти фактически происходящие *внешние* для стран и регионов геополитические сдвиги и *внутренние* для каждой страны социетальные сдвиги. Сюда можно отнести: 1) качественные изменения моделей труда и потребления, всего образа жизни; 2) демассификацию, индивидуализацию как ведущий тренд изменения социальной структуры и социальных практик; 3) становление новых форм социального неравенства; 4) платформизацию, как вектор изменений структуры бизнеса и социальных взаимодействий; 5) «императив инноваций» – необходимость открытости, гибкости, динамизма в бизнесе, государственной политике и индивидуальной жизнедеятельности, чтобы непрерывно приспосабливаться к радикальным изменениям и осваивать возможности, которые несет ускорение технологического прогресса.

2. Мегатренды как условия и факторы современного развития России

2.1. Стартовые позиции в технологической гонке

В стремлении получить лучшие шансы для достижения своих целей Россия имеет на сегодня неблагоприятные стартовые позиции из-за отставания в научно-технологической сфере. Это отставание обозначилось давно, и задачи ускорения научно-технологического развития ставились с начала 1970-х гг. В 2016 г. была принята «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [Указ... 2016]. В феврале 2024 г. утверждена обновлённая версия Стратегии [Указ... 2024]. Оба документа были подвергнуты критическому анализу [Комков 2019; Семёнов 2024]. Н.И. Комков интерпретировал сформулированные в Стратегии-2016 «большие вызовы» как «накопленные системные ошибки и несвоевременно разрешенные проблемные ситуации, обусловленные технологическим отставанием и неэффективным управлением в период перехода от планово-директивной к рыночной экономике», и указывал на расплывчатость обозначенных в Стратегии конечных результатов их устранения [Комков 2019: 85]. По оценке Е.В. Семёнова, Стратегия-2024 уклоняется от четкой фиксации отставания России от мировых технологических лидеров, а все задачи, как и в Стратегии-2016, поставлены в модальности «сформировать», «создать» и «способствовать формированию». Отсюда следует, что за прошедшие (с 2016 г.) восемь лет ничего не создано и не сформировано, как и восемь лет назад это ещё только предстоит сделать [Семёнов 2024: 59]. «Россия явно оказалась за пределами ядра игроков постиндустриальной глобальной экономики, обладающих контролем над транснациональным полем и способных его эксплуатировать», – констатируют авторы статьи об эволюции концепций инновационной политики [Коннов, Талагаева 2023: 42].

Эти оценки формально подтверждаются международными рейтингами инновационного развития. Осенью 2025 г. представлен 18-й выпуск Глобального инновационного индекса, издаваемого с 2007 г. Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) совместно с целой сетью академических и корпоративных партнеров, включая российский НИУ ВШЭ [Global Innovation... 2025].

Глобальный инновационный индекс содержит результаты сопоставительного анализа инновационных систем 139 стран и их рейтинг по уровню инновационного развития, рассчитанный на основе 78 индикаторов. Тематически связанные индикаторы объединяются в 21 группу (sub-pillars), по которым выводятся средние баллы включенных в них индикаторов. В свою очередь тематически связанные группы индикаторов образуют 7 основных показателей (pillars), по которым также определяются значения среднего балла. Наконец, эти семь показателей подразделяются на два субиндекса. Пять основных показателей (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, развитие рынка, развитие бизнеса) формируют субиндекс, соответствующий *затратам и ресурсам инноваций* (innovation input), а два показателя (результативность науки и технологий, результаты креативной деятельности) формируют субиндекс, соответствующий *«выходу», результатам инновационной деятельности* (innovation output).

В представленной ниже таблице отражены позиции России в рейтинге по основным показателям (пронумерованы одной цифрой) и группам индикаторов (пронумерованы двумя цифрами), а формирующие их индикаторы только обозначены в скобках для общего понимания методологии индекса (Таблица 2.1).

Таблица 2.1

Глобальный инновационный индекс 2025:
позиции Российской Федерации

1	Институты	131
1.1	Институциональная среда (стабильность операционных условий; эффективность госуправления)	133
1.2	Регуляторная среда (качество нормативной базы; верховенство закона)	132
1.3	Деловая среда (стабильность политики по отношению к бизнесу, предпринимательская культура)	105
2	Человеческий капитал и исследования	28
2.1	Образование (длительность школьного образования; финансирование и др.)	20
2.2	Высшее образование (число студентов; выпуск по научным и инженерным специальностям и др.)	21
2.3	Исследования и разработки (исследователей на 1 млн населения; расходы на ИР; рейтинг университетов)	35
3	Инфраструктура	76
3.1	ИКТ (доступность, использование, госуслуги)	53
3.2	Общая инфраструктура (электроэнергия, логистика, валовое накопление капитала в % к ВВП)	77
3.3	Экологическая устойчивость	125
4	Развитость рынка	76
4.1	Кредитование (в т.ч. стартапов и затрат на масштабирование)	97
4.2	Инвестирование (размер рынка в % к ВВП, венчурное инвестирование)	81
4.3	Торговля, диверсификация и рынок (тарифы, диверсификация, объем внутреннего рынка)	23
5	Развитость бизнеса	46
5.1	Работники умственного труда (занятость в знание-ёмких видах деятельности; НИОКР, финансируемые бизнесом, % ВВП; доля бизнеса в финансировании НИОКР и др.)	52
5.2	Инновационные связи (сотрудничество университетов, научных организаций и бизнеса; совместные публикации; инновационные кластеры; патенты и др.)	47
5.3	Усвоение знаний (траты на ОИС; высокотехнологичный импорт; импорт ИК услуг; прямые иностранные инвестиции; доля исследователей, занятых в бизнесе)	52
6	Результативность науки и технологий	62
6.1	Производство знаний (патенты, модели, публикации и др.)	37
6.2	Экономический эффект знаний (производительность труда, расходы на программное обеспечение, высокотехнологичная продукция и др.)	62
6.3	Диффузия знаний (поступления от ОИС, высокотехнологичный экспорт, экспорт ИК услуг и др.)	92
7	Результаты креативной деятельности	55
7.1	Нематериальные активы	49
7.2	Креативные товары и услуги	86
7.3	Креативная онлайн индустрия	52

Составлено по: [Global Innovation... 2025: 204].

Россия классифицирована в индексе как европейская страна с населением 144,8 млн чел. и высоким уровнем дохода – ВВП 47,299 долл. на душу населения по паритету покупательной способности. В общем рейтинге она заняла 60-е место; в группе с высоким уровнем ВВП на душу населения – 45-е место из 54; среди стран Европы – 32-е из 39. Специалисты НИУ ВШЭ обращают внимание, что объективно оценивать позиции России затруднительно: из 78 индикаторов ГИИ-2025 по 21 данные у авторов индекса не актуальны (старше 2021 г.), еще по двум – отсутствуют. В общей сложности это более четверти всех индикаторов индекса (29,5 %), преимущественно входящих в субиндекс «ресурсы инноваций». Между тем, по оценкам Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, по итогам 2024 г. зафиксирован рост большинства ключевых показателей, характеризующих развитие науки и инноваций в стране¹.

Однако следует отметить, что ситуация с неактуальностью данных, использованных в ГИИ-2025, не связана исключительно с Россией. Например, данные, использованные по 22 индикаторам в индексе Вьетнама (44-е место в рейтинге), неактуальны, а по двум отсутствуют [Global Innovation... 2025: 233]. Исправление этих недостатков, видимо, несколько изменило бы позицию России в рейтинге 2025 г., но принципиальные проблемы инновационного развития страны не ограничиваются одним годом (Таблица 2.2).

Таблица 2.2

Россия в Глобальном инновационном индексе (2015-2025)

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Место	48	43	45	46	46	47	45	47	51	59	60

Источники: [Дайджест... 2024; Global Innovation... 2025: 204].

Данные таблицы показывают, что на протяжении семи лет (2015-2021) Россия с некоторыми колебаниями сохраняла позицию в районе 45-го места в глобальном инновационном индексе, а за 2022-2025 гг. сместилась вниз на 15 пунктов. Можно строить предположения о влиянии внешних факторов на эту тенденцию, но не менее важно учитывать структурные факторы, присущие самой инновационной системе страны. Сопоставление сильных и слабых сторон инновационных систем России и упомянутого выше Вьетнама делает их достаточно наглядными (Таблица 2.3). Бросается в глаза, что Вьетнам заметно уступает России по таким важнейшим ресурсам инновационного развития как человеческий капитал и наука, а также развитие бизнеса, но занимает более высокие позиции по результативности инновационной деятельности. Это свидетельствует о том насколько важное значение имеет качество институтов, политико-правовых и рыночных, включая уровень предпринимательской культуры, – индикаторы, по которым Вьетнам занимает существенно более высокие позиции.

¹ Власова В.В. Глобальный инновационный индекс – 2025. [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/1085304545.html>.

Таблица 2.3

Сильные и слабые стороны инновационных систем (Россия и Вьетнам)

	Россия	Вьетнам
Ресурсы инноваций	73	50
Институты	131	59
Человеческий капитал и наука	28	70
Инфраструктура	76	56
Развитие внутреннего рынка	76	43
Развитие бизнеса	46	79
Результативность инновационной деятельности	55	37
Развитие технологий и экономики знания	62	39
Результаты креативной деятельности	55	34
ГИИ-2025	60	44

Источник: [Global Innovation... 2025: 204, 233].

С другой стороны, относительные позиции страны определяются не только ее собственными успехами и трудностями инновационного развития, но и ходом инновационных процессов в других странах, ибо это – сфера острой глобальной конкуренции. Видимо сохраняет актуальность вывод, сделанный учеными из Финансового университета при Правительстве РФ: «Анализ положения России в мировых рейтингах инновационного развития показывает, что, несмотря на положительные достижения в таких областях, как человеческий капитал, знания и технологии, экономика страны сталкивается с серьезными вызовами в других аспектах, включая уровень инвестиций в НИОКР и условия для инновационной активности. В условиях высокой конкурентности на глобальной арене и необходимости адаптации к стремительно меняющимся технологическим условиям *становится очевидной необходимость активной государственной поддержки инновационного развития*»¹.

Не менее важным представляется другое условие интенсификации инновационных процессов. В аналитическом материале Форбс отмечается, что поскольку госпрограммы в области развития ИИ Россия начала активно создавать несколько позже, чем страны – лидеры в сфере внедрения ИИ-технологий, для нашей страны *принципиальное значение имеет сотрудничество с другими государствами в сфере развития цифровых технологий и их адаптации к экономике*. Речь идет о «кооперации с дружественными странами», что принесет более быстрый результат, чем ставка исключительно на разработку собственных решений².

Эти два суждения отражают сложности современного положения и развития России, связанные с глобальными мегатрендами, с «большими вызовами», как определяет их Стратегия научно-технологического развития России. Если

¹ Казанбиева А.Х., Зубов Я.О. Россия в мировых рейтингах инновационного развития [Электронный ресурс]. 28.08.2025. // Ведомости: сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/08/28/rossiya-v-mirovih-reitingah-innovatsionnogo-razvitiya (дата обращения 16.02.2026).

² Романов К. Доля цифры: какую роль искусственный интеллект играет в росте ВВП [Электронный ресурс]. 10.10.2024. // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/522747-dola-cifry-kakuu-rol-iskusstvennyj-intellekt-igraet-v-roste-vvp?ysclid=mkshhipq7j867557478> (дата обращения 24.01.2026).

ограничиться только мегатрендами первого порядка (информационно-коммуникационные технологии и четвертая промышленная революция, демографический переход, глобализация), то глубокого осмысления требуют следующие положения Стратегии.

2.2. Информационно-коммуникационные технологии, четвертая промышленная революция и проблема смены модели экономического роста

База и модель экономического роста. Прежде всего, Стратегия констатирует, что возможности прежней модели экономического роста России, основанной на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, исчерпаны. Она ставит страну вне ведущих тенденций современного мирового развития – информационно-коммуникационной революции, формирования экономики данных, ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта. А ориентация стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями, на использование возобновляемых ресурсов в перспективе лишает ее рынков сбыта.

Но суть дела не сводится к эксплуатации сырьевых ресурсов. Так или иначе, эта эксплуатация неизбежна. Проблема в том, что эта модель стала результатом доведения до предела негативных тенденций позднесоветской экономики при одновременном разрушении ее промышленного и технологического базиса в ходе реформ 1990-х гг. Их итогом к концу десятилетия стало двукратное снижение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, пятикратное – инвестиций, трехкратное – реальных (располагаемых) денежных доходов населения. Уровень 1990 г по соответствующим показателям не был достигнут и к 2015 г. [Нешиной 2014: 16, 17]. При этом на протяжении всех этих лет наблюдалась тенденция *примитивизации российской экономики*, как отмечает Р.С. Гринберг [Гринберг 2015: 12]. *Качество* экономической динамики снижалось независимо от того, была ли она отрицательной (как в 1990-е годы) или положительной (как в «тучные» нулевые годы). Структура промышленного производства приобрела очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в 2 раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14 %, что в 3-4 раза меньше, чем в развитых странах (Таблица 2.4).

Таблица 2.4

Структура промышленного производства России (в % к итогу)

Отрасли промышленности	1990	2005	2013	2024
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	26,8	28,7	20,8
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	9,5	7,6
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	6,4	6,4	5,5
Машиностроение и металлообработка	28,0	13,0	14,0	10,8

Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	3,4	2,6	1,7
Промышленность строительных материалов	3,4	3,1	2,9	2,1
Легкая промышленность	11,0	0,8	0,7	0,8
Пищевая промышленность	12,1	10,9	10,4	8,8

Составлено по: [Гринберг 2015: 13; Российский статистический... 2025: 358, 359].

Последствия «примитивизации» российской экономики далеки от преодоления. Дополнение таблицы данными за 2024 г. показывает, что вплоть до настоящего времени выраженных позитивных сдвигов в структуре промышленного производства не наблюдается. В этом выражается и безотлагательность императива модернизации промышленного производства, и ограниченность исходной базы и ресурсов, необходимых для технологического рывка.

Движение конъюнктуры и структурно-технологические сдвиги. Тем не менее, опыт 2023-2024 гг. продемонстрировал возможность заметных позитивных сдвигов в динамике и структуре промышленного производства (Таблица 2.5). Приведенные в таблице данные подтверждают обоснованность вывода специалистов Института статистических исследований и экономики знаний (ИС-ИЭЗ) НИУ ВШЭ об устойчивом росте масштабов выпуска промышленной продукции на протяжении ряда последних лет. Особенно ощутимо росли индексы обрабатывающей промышленности, которая занимает в структуре отгруженной продукции наибольшую долю¹. Замедления роста официальная статистика зафиксировала в пандемийном 2020 г. и в первый год специальной военной операции (2022), когда экономика испытала массированную санкционную атаку.

Таблица 2.5

Индексы промышленного производства
(в процентах к предыдущему году)

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Добыча полезных ископаемых	102,6	101,9	103,8	103,4	93,5	104,2	101,5	99,0	99,6
Обрабатывающие производства	101,1	105,7	103,6	103,6	101,3	107,4	100,3	108,7	109,8
производство кокса и нефтепродуктов	95,7	104,3	102,6	101,6	95,0	103,6	99,4	102,5	98,6
производство химических веществ и химических продуктов	106,5	107,6	103,9	103,4	107,3	107,1	97,6	105,2	103,1
производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	114,9	109,7	101,1	127,4	120,9	114,3	109,3	99,6	119,8
производство резиновых и пластмассовых изделий	100,6	112,6	101,3	98,7	106,2	110,5	100,2	108,0	103,7
производство металлургическое	97,9	105,2	100,6	103,8	97,3	101,7	99,2	103,0	98,5
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	127,9	104,3	105,9	107,3	104,2	111,6	113,4	126,4	131,6

¹ Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html>. (дата обращения 24.02.2026).

производство компьютеров, электронных и оптических изделий	102,8	100,2	103,0	110,6	103,3	109,9	109,4	139,4	127,9
производство электрического оборудования	107,0	102,7	105,4	101,3	99,2	107,7	101,1	120,6	110,2
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	97,9	108,3	102,4	113,5	109,6	117,1	99,3	108,1	102,3
производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов	60,5	124,1	128,6	106,2	89,3	117,0	98,0	139,0	124,4
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	97,9	120,1	111,5	96,3	87,9	114,6	55,8	116,0	118,2
производство прочих транспортных средств и оборудования	110,8	115,6	107,7	99,0	106,7	110,5	97,9	129,0	134,2
производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования	111,1	108,6	95,7	94,8	115,8	123,8	100,9	129,5	142,7

Составлено по: [Промышленное производство... 2021: 36-40; Промышленное производство... 2025: 30-33].

Вместе с тем аналитики указывают на ряд специфических характеристик промышленного роста 2023-2024 гг. Факторы роста, его темпов и структуры – это факторы внеэкономические, связанные с необходимостью ответа на внешние шоки. Отсюда ключевая роль усилий государства, по обеспечению стабильности экономической системы, стимулированию спроса и расширению набора инструментов и институтов денежно-кредитной, структурной и регуляторной политики. Имевшие место структурные изменения были обусловлены необходимостью перестройки хозяйственных связей в интересах укрепления обороноспособности страны как приоритета экономической политики. В силу всего этого рост не был органическим. Экономисты изначально указывали на невозможность сохранения относительно высоких темпов на длительный и даже среднесрочный период [Ахапкин 2025: 8, 13, 15]. Уже по итогам 2025 г. наблюдалось либо существенное снижение темпов роста, либо сокращение производства в ключевых отраслях промышленности, и заметные изменения в ближайшие годы не ожидаются (Таблица 2.6).

Таблица 2.6

Динамика промышленного производства: 2025 год и прогноз
Минэкономразвития на 2026-2028 годы
(базовый сценарий, в % к предыдущему году)

	2025	2026	2027	2028
Добыча полезных ископаемых	1,3	2,3	3,1	2,8
Обрабатывающие производства	3,6	2,9	4,0	3,6
производство кокса и нефтепродуктов	-0,4			
производство химических веществ и химических продуктов	-0,8	2,3	3,0	2,8

производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	15,4	4,8	4,8	5,0
производство резиновых и пластмассовых изделий	-6,7	2,1	3,2	3,1
производство металлургическое	-2,1	0,6	2,0	1,7
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	18,0	4,2	5,6	5,1
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	11,7	4,5	6,8	7,3
производство электрического оборудования	-3,8	3,6	8,6	7,6
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	-6,9	3,4	8,3	7,7
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	-23,1	6,7	9,2	8,0
Производство прочих транспортных средств и оборудования	32,0	5,5	7,8	7,3

Составлено по: [О динамике... 2026: 2-3; Прогноз... 2026: 34, 36, 38,40, 42].

В квартальном прогнозе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН от 16 марта 2026 г. отмечается, что темпы прироста ВВП в 2025 г. составили 1 %, что несколько выше, чем ожидания большинства экспертов осенью прошедшего года. Некоторое ускорение экономической динамики в конце 2025 г. и итоговый рост ВВП за 2025 г. на 1 % главным образом обусловлены сезонным увеличением производства в промышленности. В свою очередь, рост промышленного производства, составивший в 2025 г. 1.3 %, концентрировался в производствах оборонного назначения. Среди прочего это указывает на продолжающееся увеличение разрыва в динамике гражданских и оборонных секторов экономики [Квартальный прогноз... 2026: 3].

Прогноз Министерства экономического развития РФ на 2026 и плановый период 2027-2028 гг. предполагает, что в эти три года будет иметь место гораздо более умеренный промышленный рост, чем в 2023-2024 гг. Поэтому важно оценить масштаб уже происходящих структурных изменений промышленности и меру повышения ее технологического уровня. Аналитики Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ отмечают, что в последние годы активно увеличивается выпуск продукции высокотехнологичных обрабатывающих видов деятельности, которые создают основу для технологического лидерства и устойчивого развития страны. В совокупности с продукцией среднетехнологичных отраслей высокого уровня они дали в 2024 г. более четверти (27,8 %) всех товаров, работ, услуг в обрабатывающей промышленности. Вместе с тем по их расчетам доля высоко- и среднетехнологичных отраслей высокого уровня в общем объеме отгруженной продукции организаций обрабатывающих производств уже в 2020 г. достигла 27,7 %, к 2022 г. снизилась до 25,5 % и вновь выросла до 27,8 % в 2024 г.¹ Рост технологического уровня

¹ Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html>. (дата обращения 24.02.2026).

промышленного производства более четко фиксируется на более широком отрезке 2015-2024 гг. (Таблица 2.7). Данные таблицы свидетельствуют, что доля высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей высокого уровня в общем объеме промышленного производства за этот период выросла с 15,9 % до 18,5 %, а в общем объеме производства обрабатывающей промышленности с 24,0 % до указанных 27,8 % [Промышленное производство... 2016: 24-34; а также¹]. Если учесть, что за это время общие объемы промышленного производства и объемы производства обрабатывающей промышленности увеличились примерно в 2,7, а продукция высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня – более чем в 3 раза, то реальность и значимость прогрессивных сдвигов становятся очевидны.

Оценки перспектив перестройки экономической модели. Но также очевидно, что позитивные изменения не имели в прошлом и не будут иметь в будущем линейной динамики. Выше уже отмечены ресурсные ограничения, которые делают неопределенными перспективы роста обрабатывающей промышленности. Кроме этого, в аналитических работах отмечен ряд обстоятельств, не позволяющих рассчитывать на закрепление позитивных тенденций.

Вектор структурных изменений и технологического обновления начала 2020-х гг. привязан к специфическими факторам, характерным для этого времени – *императиву импортозамещения* и необходимостью резкого наращивания и *модернизации военного потенциала* страны. Регуляторный режим и перераспределение ресурсов в соответствии с этими условиями обеспечило государство.

Таблица 2.7

Структура объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг организаций промышленного производства по видам экономической деятельности: 2015, 2024

	2015 % от общего объема	2024 % от общего объема
Промышленное производство – всего	100	100
Добыча полезных ископаемых	23,8	25,3
В том числе добыча нефти и природного газа	19,4	18,3
Обрабатывающие производства	66,1	66,6
Высокотехнологичные: Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство (судов) и летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования.	4,4	5,1
Среднетехнологичные высокого уровня: Производство химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования; производство медицинских инструментов и оборудования.	11,5	13,4

¹ Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html>. (дата обращения 24.02.2026).

Среднетехнологичные низкого уровня: Производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство прочей неметаллической минеральной продукции; производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования.	27,4	31.5
Низкотехнологичные: Производство пищевых продуктов, напитков и табака; производство текстильных изделий; производство одежды; производство кожи и изделий из кожи; обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения; производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; производство мебели.	14,7	14.9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	9,1	6.4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	1.7

Рассчитано по: [Промышленное производство... 2016: 24-34; а также¹].

Изменение масштабов участия и роли государства в экономике в 2022-2025 гг. не имели однозначной направленности. Как отмечается в литературе, «выстраивалась двухконтурная модель государственного регулирования в экономике: его усиление в оборонно-промышленном комплексе и снижение в остальной экономике» [Российская экономика... 2025: 12]. Иными словами, ресурсы перенаправлялись, прежде всего, в оборонно-промышленный комплекс и сопряженные с ним отрасли, что было продиктовано жизненными интересами страны. В целом же доля промышленности в валовой добавленной стоимости, в 2024 г. оказалась ниже, чем в 2021 г. Поскольку удельный вес промышленности в экономике не растет, нет оснований говорить о реиндустриализации, полагают исследователи из Института экономики РАН [Структурные изменения... 2025: 25].

Оценивая перспективы структурной перестройки промышленности, надо учитывать, что деградация технологически емких отраслей экономики и технологическая зависимость экономики от импорта машин и оборудования слишком значительна, особенно в высокотехнологичном секторе. Она достигла к 2022 г. в станкостроении – 90 %, электронике – 85 %, машиностроении – 70 %, медицинской промышленности – 70 %, ИТ и программном обеспечении – 68 %, фармацевтике – 65 % [Структурные изменения... 2025: 26-27]. Масштаб проблемы импортозамещения в целом наборе отраслей осознается на фоне длительных попыток ее решения в одном сегменте – производстве самолетов для гражданской авиации (Ту-214, МС-31, SJ-100, Ту-114, «Байкал»). Проблема здесь состоит как в отсутствии технологий, так и в необходимости вновь и вновь проходить циклы испытаний–доработок–сертификаций². В более глубоком контексте проблема в том, что полное импортозамещение экономически нецелесообразно, но в целом ряде конкретных производств санкционный режим не оставляет выбора.

¹ Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html>. (дата обращения 24.02.2026).

² Вихров П., Гаврилов В. Летняя невзгода: к 2030-му Россия сможет заместить лишь треть авиапарка [Электронный ресурс]. 4 марта 2026. // Известия: сайт. URL: <https://iz.ru/2040491/pavel-vikhrov/letnaya-nevzgodak-2030-mu-rossiya-smozhet-zamestit-lish-tret-aviaparka?ysclid=mmbvsvzqodq50951233> (дата обращения 04.03.2026).

Ключевой ресурс достижения технологического суверенитета – научно-технологический потенциал – также был чрезвычайно ослаблен в предыдущие десятилетия. Слабое использование инновационного фактора развития предприятий и экономики в целом обусловлено не столько невосприимчивостью бизнеса, сколько низким уровнем многих инновационных решений и технологий, неконкурентоспособных с импортными [Комков 2019: 75]. Проблема не ограничена рамками прикладной науки. Фронтальный технологический прогресс, обеспечивающий технологический суверенитет страны, возможен только на базе собственной суверенной фундаментальной науки. Например, некоторые аналитики ставят под вопрос перспективы дальнейшего развития Китая, в частности, в связи с тем, что ограничение технологического трансфера из США сочетается с недостаточным развитием собственной фундаментальной науки [Еремин и др. 2025: 101]. Россия имеет мощную традицию и институализированный сектор фундаментальной науки. Но здесь важен не столько исторически накопленный потенциал, сколько тенденции его изменений и эффективность его использования, которая во многом определяется уровнем финансирования науки, а выражается в результативности его функционирования. Сопоставимые данные по численности исследователей выражаются в тысячах человеко-лет, в эквиваленте полной занятости (т.е. по времени, фактически израсходованному персоналом, занятым научными исследованиями и разработками, на их выполнение). Этот показатель в России снизился с 506,4 тыс. до 385,7 тыс. (6 место среди стран мира). По объему внутренних затрат на исследования и разработки, исчисляемому по паритету покупательной способности валют, Россия занимала в 2023 г. 9 место среди стран мира, но по абсолютной величине он был в 15 раз меньше показателя США и в 13 раз меньше показателя Китая [Наука. Технологии... 2025: 33, 40]. Что касается эффективности или конкурентоспособности прикладных разработок, то по числу патентных заявок во Всемирную организацию интеллектуальной собственности она уступает Китаю в 70 раз, а США – в 22 раза. По технологиям в сфере станкостроения в 2023 г. число заявок из КНР составляло 73986, тогда как из России – 21, в сфере ИИ число заявок из России – 14, из КНР – 25,5 тыс., по полупроводникам – 5 заявок против 27 тыс. из КНР. В итоге, по основным критическим и сквозным технологиям Россия практически не имеет перспектив для закрепления своих конкурентных позиций [Структурные изменения... 2025: 39-43]. Что касается фундаментальных исследований, то в качестве критерия их результативности обычно рассматривается доля страны в общемировом числе публикаций в научных изданиях, индексируемых в общепризнанных международных базах данных. Так, число российских публикаций в изданиях, индексируемых в Scopus, выросло с 2010 по 2020 г. с 39 686 до 130 309 и вновь снизилось в 2023 г. до 108 090. Это 2,95 % общемирового числа публикаций, индексируемых в Scopus, и Россия занимала 11 место среди стран мира по этому показателю [Наука. Технологии... 2025: 58, 59]. Здесь следует оговорить два момента. Во-первых, такие страны, как Республика Корея, Бразилия или Турция «отстают» от России по публикациям, но занимают более высокие места в глобальном инновационном индексе. Во-вторых, состояние публикационной

активности российских ученых во-многом определяется административной политикой по оценке их деятельности с упором на наукометрические показатели, и само по себе не отражает реальную результативность научной деятельности, т.е. качество полученных результатов [Боркин, Сайфитдинова 2024: 122, 129].

Россия сохраняет еще преимущество в виде суверенной фундаментальной науки, однако преградами на пути обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства остаются институциональные ограничения – разрывы между наукой и производством, фрагментарность национальной инновационной системы, ограничения в инвестиционном обеспечении научно-технологического развития, сворачивание научно-технологического потенциала и т.п. [Структурные изменения... 2025: 44]. Наиболее общим, хотя и косвенным показателем этих «разрывов» и «фрагментарности» национальной инновационной системы является то, что основным источником финансирования исследований и разработок в стране выступает государственный бюджет: с 2000 по 2023 г. его доля выросла с 54,8 до 66,6 %, тогда как доля предпринимательского сектора снизилась с 32,9 до 30,6 %. Вклад других национальных источников, прежде всего, организаций высшего образования, увеличился примерно в три раза, оставаясь при этом в крайне узких пределах – с 0,4 до 1,4 % [Наука. Технологии... 2025: 44, 45]. В 2022-2024 гг. наблюдались явные положительные сдвиги по всем показателям инновационного развития. Вместе с тем газета «Коммерсант» сообщала о важных с точки зрения долгосрочной перспективы результатах анализа данных за 2022 г., осуществленного Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. Компании с высокой долей инновационной продукции (7,2–28,1 %,) были сосредоточены в производстве летательных аппаратов и оборудования (28,1 % инноваций), строительстве кораблей и судов (23,7 %), производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (22 %), а также металлических изделий, транспорта и оборудования, не включенных в другие категории. По сути – это отрасли ОПК, работающие преимущественно по государственным заказам, но слабо ориентированные на открытый рынок. Другая группа – это компании с низкой и околонулевой долей инновационной продукции (0,5–6,6 %). Спрос на такую продукцию невысок как со стороны государства, так и со стороны пользователей. Сами же компании не имеют стимулов к инновационной активности, поскольку предпочитают работать на традиционных рынках. А вот доля компаний, способных подстраиваться под изменения рыночного спроса невелика¹. То есть для каждой группы потенциальных агентов инновационного развития существуют факторы, ослабляющие мотивацию активного поиска путей технологического обновления.

2.3. Демография: вызов, который с нами навсегда

Демография: базовые процессы и ситуационные флуктуации. Стратегия научно-технологического развития РФ выделяет в качестве «большого вызова»

¹ Галиева Д., Сапожков О. Блеск и нищета российских инноваций [Электронный ресурс]. 21.02.2024. // Коммерсант: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6525060?ysclid=mmd9q03vws838423626> (дата обращения 21.02.2024).

демографический переход, обусловленный снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни, изменением образа жизни, и связанное с этим старение населения, в совокупности приводят к новым социальным и медицинским проблемам. Фундаментальный характер демографических проблем выражается в том, что, даже будучи вызваны преходящими обстоятельствами они имеют отложенные последствия, на которые невозможно повлиять. Если в текущем периоде по каким-то причинам снизилась рождаемость и родилось мало девочек, то через 20-30 лет, когда это поколение будет находиться в детородном возрасте неизбежна низкая рождаемость.

Достаточно полную картину движения населения можно представить по данным о компонентах изменения общей численности населения на протяженных отрезках времени (Таблица 2.8). Так, в 1990 и 1991 гг. еще сохранялся положительный естественный прирост населения и одновременно имело место положительное сальдо миграции, и на конец 1991 г. численность населения России составляла 148514,7 тыс. чел. С 1992 г. статистика фиксирует отрицательные значения естественного прироста, т.е. естественную убыль населения по всем годам за исключением 2013-2015 гг. когда наблюдался незначительный естественный прирост (от 24 до 32 тыс. чел.). В среднем же ежегодно естественная убыль населения в 1992-2005 гг. составляла почти 800 тыс. чел., а суммарно 11101,1 тыс. чел. Размеры естественной убыли населения стали снижаться после 2005 г. и сменились в 2013-2015 гг. небольшим естественным приростом (от 24 до 32 тыс. чел.). В целом, в 2006-2019 гг. сохранялся отрицательный естественный прирост. Суммарная убыль населения составила 2734,9 тыс. чел., однако присоединение Крыма и Севастополя почти уравнило эту величину, и общая численность населения страны вернулась в 2015 г. примерно к уровню 2001 г. [Компоненты... 2025].

Таблица 2.8

Компоненты изменения общей численности населения (тыс. чел.)

Годы	Население на 1 января	Изменения за год			Население на 31 декабря
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост	
1990	147665,1	608,6	333,6	275,0	148273,7
1991	148273,7	241,0	104,9	136,1	148514,7
1992-2005	01.01.1992 148514,7	Всего: -5331,2 В год: -380,8	Всего: -11101,1 В год: -792,9	Всего: 5823,0 В год: 415,9	31.12.2005 143236,6
2006-2019	01.01.2006 143236,6	Всего: 1211,9 В год: 86,6	Всего: -2734,9 В год: -195,4	Всего: 3946,8 В год: 282,0	31.12.2019 146748,6
2020	146748,6	-577,6	-702,1	124,5	146171,0
2021	146171,0	-613,4	-1043,3	429,9	145557,5
2022	146980,1	-532,7	-594,6	61,9	146447,4
2023	146447,4	-296,6	-500,2	203,6	146150,8
2024	146150,8	-30,9	-599,4	568,5	146119,9
Данные за 2022-2024 гг. приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.					

Рассчитано по: [Компоненты... 2025].

Лапидарную и четкую оценку движения населения России за 2001–2024 гг. и его статистического отображения дали О.Л. Рыбаковский и Т.А. Фадеева: «На начало 2001 г. до всевозможных переписных корректировок постоянное население страны составляло 144,8 млн человек. Естественная убыль за 24 года (с учетом данных по Крыму с 2015 г.) – 10,5 млн человек, т. е. за счет естественной убыли население России с начала 2001 г. до конца 2024 г. сократилось на 7,2 %. Но за счет текущего миграционного прироста (плюс 5,2 млн человек), поправок трех переписей населения РФ (плюс 4,3 млн человек) и вхождения Крыма в состав России (плюс 2,3 млн человек) эта естественная убыль была полностью перекрыта. И за 2001–2024 гг., т.е. к началу 2025 г. численность постоянного населения РФ увеличилась на 1,3 млн человек – до 146,1 млн человек, или почти на 1 %» [Рыбаковский, Фадеева 2025: 134].

С 2020 г. складывается новая демографическая ситуация, во многом определяемая чрезвычайными обстоятельствами – эпидемией коронавируса и началом специальной военной операции.

Демографический эффект пандемии весьма значителен. Избыточная смертность от COVID-19 составила за период 2020–2023 гг. 764 348 человек. Потери ВВП в результате избыточной смерти от новой коронавирусной инфекции с 2020 по 2023 г. могли составить более 4,4 трлн рублей [Смирнов 2025: 35]. С февраля 2022 г. начинается специальная военная операция. В литературе отмечается ее многогранное воздействие на демографическую ситуацию: увеличение эмиграционных потоков, изменения в уровне рождаемости и смертности, а также внутренние миграционные процессы создали новые вызовы для социальной и экономической политики страны [Донской, Ужакова 2024: 53]. Журнал Forbes, со ссылкой на источник, знакомый с кремлевскими оценками, сообщал, что только за две недели после начала частичной мобилизации 21 сентября страну покинули около 700 тыс. человек¹. Но еще до этого к началу сентября 2022 года, по данным Росстата, страну покинули 419 тыс. человек (в 2021-м за аналогичный период – 202 тыс.). Всего за 2022 год официально зарегистрировали 668 тыс. уехавших, что превышает все значения показателя за 1993–2021-й. В 2023 году официальное число выехавших из России составило 450,5 тыс., в 2024-м – 423,2 тыс. человек [Щербакова 2025]. Т.е. процессы, постепенно развивавшиеся в предшествующие годы, приобрели скачкообразный характер. Согласно официальной статистике, резко увеличилась естественная убыль населения, превысив в 2021 г. 1 млн. чел. С другой стороны, эмиграционный отток, сократившийся в 2021 г. почти вдвое в условиях пандемийных ограничений, увеличился в 2022 г. почти в три раза (Таблица 2.9).

¹ Тофанюк Е., Сапронова Ю. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан. [Электронный ресурс]. 04 октября 2022. // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (дата обращения 17.03.2026).

Таблица 2.9

Развитие демографической ситуации в 2015-2024 гг. (тыс. чел.)

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Эмиграционный отток
2015	1940,6	1908,5	32,0	353,2
2016	1888,7	1891,0	-2,3	313,2
2017	1690,3	1826,1	-135,8	377,2
2018	1604,3	1828,9	-224,6	440,8
2019	1481,1	1798,3	-317,2	416,1
2020	1436,5	2138,6	-702,1	467,7
2021	1398,3	2441,6	-1043,3	238,0
2022	1304,1	1898,6	-594,6	668,4
2023	1264,4	1764,6	-500,3	450,5
2024	1222,0	1820,0	-596,2	423,2

Источники: [Демографический ежегодник... 2023: 205; Российский статистический... 2025: 94, 102; Щербакова 2025, а также¹].

Отмеченные флуктуации носят ситуационный характер, но они не противоречат, а соответствуют долгосрочным трендам демографического развития. Текущие (за 2024-2026 гг.) демографические показатели недоступны для анализа, но достаточно информативны демографические прогнозы Росстата и ООН (Таблица 2.10).

Можно видеть, что Росстат ожидает меньших масштабов естественную убыль и меньших масштабов миграционный прирост населения, нежели Отдел народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, но прогнозируемые тренды дальнейшего снижения численности населения России в этих прогнозах практически совпадают. Достаточно близки и абсолютные величины ожидаемого сокращения общей численности населения к 2036 г. – свыше 5,1 и 5,4 млн. чел., соответственно. Иными словами, демографические проблемы, обусловившие активизацию демографической политики в настоящее время, останутся на повестке дня и в обозримом будущем. Но эффект демографических проблем не ограничивается демографией. Они влекут негативные последствия и порождают уязвимость страны во многих иных сферах – от экономики до геополитики.

Таблица 2.11

Население России в 2024-2036 гг. (прогноз)

год	Население на 01.01 Тys.		Общий прирост Тys.		Естественный прирост Тys.		Миграционный прирост Тys.	
	Росстат	ООН	Росстат	ООН	Росстат	ООН	Росстат	ООН
2024	146 079,7	145 206	-447,9	-771	-675,1	-593	227,2	-178
2025	145 631,8	144 435	-472,5	-876	-693,2	-624	220,7	-252
2026	145 159,3	143 560	-487,1	-330	-702,8	-655	215,7	325
2027	144 672,2	143 229	-490,9	-371	-703,0	-673	212,1	302
2028	144 181,3	142 859	-472,2	-378	-684,4	-689	212,2	311

¹ Росстат оценил естественную убыль населения в 2024 году [Электронный ресурс]. 21 февраля 2025. // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/02/2025/67b8aa619a79477c802b6681> (дата обращения 10.03.2025).

2029	143 709,1	142 481	-453,9	-392	-666,3	-701	212,4	309
2030	143 255,2	142 089	-439,9	-400	-652,6	-705	212,7	305
2031	142 815,3	141 689	-423,8	-428	-638,4	-709	214,6	281
2032	142 391,5	141 261	-402,3	-402	-617,2	-708	214,9	306
2033	141 989,2	140 859	-367,9	-389	-583,1	-701	215,2	312
2034	141 621,3	140 470	-342,0	-378	-557,5	-691	215,5	313
2035	141 279,3	140 092	-316,3	-364	-532,2	-680	215,9	316
2036	140 963,0	139 728	-290,6	-352	-507,0	-661	216,4	309

Составлено по: [Изменение численности... 2023; World Population... 2024].

Экономико-социальные эффекты демографического перехода. Небольшое население – это узкий рынок, ограничивающий рост национального производства. А неизбежный и необходимый выход за его пределы означает определенную зависимость от конъюнктуры мировых рынков, необходимость открывать свой рынок для конкурентов и преодолевать недобросовестное поведение внешних экономических игроков, недружественных государств и их объединений.

Низкая рождаемость – это немногочисленные поколения, достигающие трудоспособного возраста и, соответственно, дефицит рабочей силы. Согласно докладу экспертов НИУ ВШЭ «Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России» (2022) с 2019 по 2030 год Россия лишится 1,9 млн человек из числа рабочей силы. Вместе с сокращением общей численности рабочей силы изменится и ее возрастной состав. К 2030 году доля тех, кому меньше 40 лет, в составе рабочей силы сократится до 37,4 % (с 42 % в 2019 году). Старение рабочей силы ускоряется, поскольку в трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х и 2000-х годов, а повышение пенсионного возраста продлевает трудовую жизнь старших поколений работников. По оценке Всемирного банка в период между 1995 и 2010 годами число россиян трудоспособного возраста увеличивалось, при том, что общая численность населения уменьшалась¹. Такая ситуация определяется как «демографический дивиденд», который выражается в дополнительном росте ВВП страны, но к 2010-м гг. его положительный эффект уже сошел на нет. Эксперты говорят об «уникально напряженном состоянии» рынка труда к концу 2025 г. Структурные факторы приводят к хроническому **кадровому голоду**. В трудовой возраст вступает малочисленное поколение 2000-х годов, тогда как на пенсию выходят многочисленные советские «бэби-бумеры». По оценкам правительства **спрос на труд будет превышать предложение и в ближайшие годы**. Министерство экономического разви-

¹ Деготькова И., Ткачев И. Эксперты оценили убыль рабочей силы в России к концу десятилетия [Электронный ресурс]. 01 июня 2022. // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/06/2022/6294c6b89a7947c8beb41030> (дата обращения 10.03.2026).

тия оценивает текущий дефицит примерно в 1,5 млн незакрытых вакансий с увеличением до 2 млн к 2030 году¹. А по оценкам Минтруда, к 2030 году дефицит рабочей силы может достигнуть 3,1 млн человек².

Старение население является обратной стороной низкой рождаемости в условиях, когда продолжительность жизни растет, пусть и медленными темпами. За 1965–2016 гг., прирост ожидаемой продолжительности жизни в России составил всего 0,7 и 1,4 года для мужчин и женщин соответственно, доживших до 65 лет. В развитых странах за тот же период прирост составил в среднем 5,7 и 6,7 года для мужчин и женщин соответственно, доживших до 65 лет. В 2019 г. (т.е. до начала пандемии COVID-19) ожидаемая продолжительность жизни при рождении достигла 73,3 лет, а к 2035 г., согласно среднему варианту прогноза Росстата, достигнет 77,1 года [Демографический ежегодник... 2023: 47; а также³].

Отсюда – особенности старения населения и динамики его возрастной структуры, которые в большей степени определяется снижением рождаемости, нежели увеличением продолжительности жизни. Здесь сказываются и последствия пенсионной реформы, предусматривающей доведение к 2028 г. верхнего предела трудоспособного возраста для мужчин с 59 до 64, а для женщин – с 54 до 59 лет. В результате, устойчивая понижательная динамика вплоть до 2038 г. в демографическом прогнозе Росстата ожидается для доли лиц моложе трудоспособного возраста во всем населении, тогда как доля лиц в трудоспособном возрасте будет повышаться до 2035 г., а доля лиц старше трудоспособного возраста будет с небольшими колебаниями до этого же года оставаться стабильной, а затем начнет расти. Но в итоге к концу прогнозного периода (1846 г.) доля младшего поколения в населении снизится по сравнению с 2025 г. на 2,8 п.п. (до 15,6 %), доля трудоспособного населения снизится на 0,5 п.п. (до 57,5 %), а доля лиц старше трудоспособного возраста вырастет на 3,3 п.п. (до 26,9 %) [Численность населения... 2023]. Коэффициент демографической нагрузки (число лиц моложе и старше трудоспособного возраста на 100 человек трудоспособного возраста) снижался до 2010 г., а затем стал увеличиваться и составил в 2024 г. 72,5. На перспективу, согласно демографическому прогнозу Росстата, он будет снижаться до середины 2030-х гг., а потом начнет повышаться, и составит в 2046 г. 73,9 [Россия и страны... 2025: 43; Численность населения... 2023]. Но недооценивать фактор старения населения для России было бы неверным, поскольку в абсолютных цифрах численность молодых и трудоспособных поколений будет сокращаться по прогнозу за 2024–2046 гг. (с 26 823,3 до 21 684,5 и с 84747,0 до 79 771,9 тыс., соответственно), а численность лиц старше трудоспособного возраста вырастет с 34 509,4 до 37 314,9 тыс. чел. [Численность населения... 2023].

¹ Горгуль Г. Рынок труда 2025: замедление найма на фоне рекордно низкой безработицы [Электронный ресурс]. 3 октября 2025. // РБК: сайт. URL: <https://companies.rbc.ru/news/YJ5AzmNRAf/ryinok-truda-2025-zamedlenie-najma-na-fone-rekordno-nizkoj-bezrabotitsyi/?ysclid=mmgcccyoexg108928937> (дата обращения 07.03.2026).

² Зотов А. Незнакомые лица. Почему в России растет число иностранных специалистов [Электронный ресурс]. 13 марта 2026. // Финансы мэйл: сайт. URL: <https://finance.mail.ru/article/bolshaya-peremena-pochemu-v-rossii-rastet-chislo-inostrannyh-specialistov-69201232/?frommail=1&md=1> (дата обращения 13.03.2026).

³ Остапенко Е., Снигирев А. Старение населения и его влияние на экономическое развитие [Электронный ресурс]. 20 марта 2020. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/> (дата обращения 10.03.2026).

Таким образом, общие оценки влияния старения населения на экономику имеют силу и для России. Это сокращение численности трудоспособного населения, что ведет к снижению производительности труда и совокупных сбережений, а значит, замедлению инвестиций, спроса и экономического роста. Это изменение модели потребления, сокращение потребительских расходов и совокупного спроса. Это возрастание расходов на пенсионную систему, здравоохранение и социальную защиту, что в совокупности с сокращением базы начисления страховых взносов создает существенную нагрузку на бюджет страны и ставит под угрозу сбалансированность государственных финансов в долгосрочной перспективе¹.

Государство проводит активную демографическую политику, направленную на стимулирование рождаемости, поддержку семей с детьми, создание условий для здорового и активного долголетия [Указ Президента... 2007; Стратегия действий... 2025]. Она, несомненно, дает определенные результаты по каждому из направлений. Однако при всей масштабности, последовательности и комплексности осуществляемых мер они не позволили до сих пор не только обратить вспять снижение численности населения, но хотя бы приостановить его. Это говорит не о недостатках демографической политики, а о глубокой объективной обусловленности демографического перехода, вступающего, возможно, в новую фазу. Указанный характер демографического развития лишний раз свидетельствует о существенной связи внутренних процессов страны с глобальной динамикой.

2.4. Новая фаза глобализации как вызов национальному развитию

Движение к многополярному (полицентричному) миру. Практически все российские авторы включают глобализацию в номенклатуру современных мегатрендов. Стратегия научно-технологического развития РФ 2024 г. характеризует глобализацию в ее нынешней трансформационной фазе как «большой вызов», который ведет к росту геополитической и экономической нестабильности, усилению международной конкуренции и конфликтности. Тем самым снижается уровень и повышается сложность участия в международной кооперации в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности [Указ... 2024].

На официальном уровне и в экспертной среде трансформация миропорядка интерпретируется как процесс перехода от однополярности к многополярности, где одним из мировых полюсов (центров мощи и влияния) становится Россия [Указ... 2023]. По оценке высокопоставленных сотрудников МИД России А. Дробинина и Е. Пискунова, к середине 2020-х гг. международные отношения фактически обрели многополярный характер: потенциал незападных центров продолжает увеличиваться, а способность Евро-Атлантики навязывать свою волю Мировому большинству – сокращаться: «Многополярный (полицентричный) мир» – это состояние международных отношений, при котором существует

¹ Остапенко Е., Снигирев А. Старение населения и его влияние на экономическое развитие [Электронный ресурс]. 20 марта 2020. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/> (дата обращения 10.03.2026).

несколько оказывающих глобальное влияние самостоятельных центров экономического развития и принятия политических решений, ни один из которых не может доминировать в мировых делах» [Дробинин, Пискунов 2025: 5, 7].

Заместитель руководителя Администрации Президента РФ М.С. Орешкин в качестве «кандидатов» на роль полюсов называет страны, обладающие «полным» суверенитетом: политическим – как государства, культурным (ценностным) – как общества, социально-экономическим – как экономики. Таковыми, по его оценке, являются Китай, США, Россия и Индия (Рис. 1).

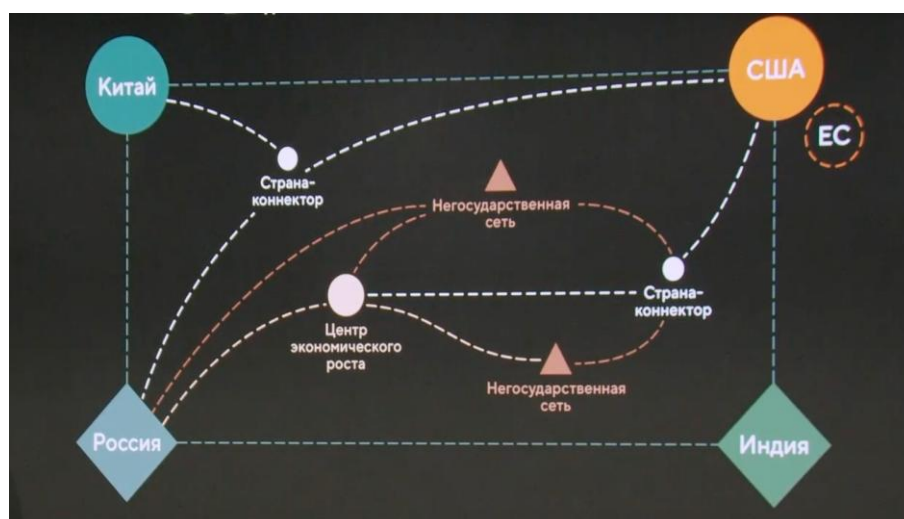

Рис. 1. Структура многополярного мира по М.С. Орешкину (скриншот презентации)¹

С этой точки зрения проверкой реальности нового многополярного порядка может стать развязанная 28 февраля 2026 г. президентом Д. Трампом война против Ирана. Она явственно демонстрирует переходное состояние миропорядка. С одной стороны, неожиданно упорное и эффективное сопротивление Ирана обнаружило ограниченность мощи и возможностей США. С другой – ни один из прочих потенциальных полюсов многополярного мира не занял открытую позицию полной поддержки Ирана как жертвы агрессии и прямого противостояния США как агрессору (так же как ранее в случае с Венесуэлой). Завершение этого конфликта на условиях США и Израиля означало бы подтверждение того, что сегодня сохраняется и сохранится на обозримую перспективу однополярный мировой порядок во главе с США и их сателлитами. Но и обнаружение их неспособности достичь своих целей не обязательно указывает на утверждение многополярности.

Не случайно, многополярность признается многими экспертами еще далекой от завершения и закрепления. Высказываются мысли о достаточно длительном периоде «бесполярности» международной системы и о биполярности (США – Китай) как ближайшем вероятном результате идущей трансформации мирового порядка [Хаас 2008; Дмитриченко 2023; Дынкин 2024]. Подготовленный в

¹ Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: <https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov> (дата обращения 07.02.2026).

2024 г. Институтом мировой экономики и международных отношений РАН прогноз глобальных трендов, экономики и политики на ближайшую (2025) и более отдаленную перспективу исходит из того, что *мир перестал быть однополярным*. Ожидания и даже надежды Запада, при всех опасениях и даже неприязни традиционного истеблишмента к Д. Трампу, на американское лидерство в урегулировании множественных конфликтов, не означают восстановления доминирующей роли США. Однако, как замечают авторы прогноза ИМЭМО РАН, *движение к полицентричной модели остается пока неопределенным и не предопределенным* [Россия и мир... 2024: 27, 28].

Оценка потенциала глобального влияния России. В условиях незавершенного перехода к новому миропорядку для каждой страны, и для России в том числе, главный вопрос заключается в том, *каков сейчас и как меняется ее экономический, культурный и военно-политический потенциал*, который и будет определять ее положение в реальном мире.

С этой точки зрения более внимательного анализа заслуживает предложенный А. Дробининым и Е. Пискуновым перечень критериев, которым должен соответствовать субъект (это может быть отдельное государство или какое-то объединение государств), чтобы его можно было считать полюсом. Если оставить в стороне вопрос о «коллективных полюсах», то в приложении к России различные критерии имеют разную степень выраженности. Безусловно очевидным и сильным, «атрибутивным» для России выступает *политический критерий* – реальная суверенность/независимость в принятии политических решений, имеющих региональное и глобальное значение. Он является в известной мере производным от *концептуального критерия* – наличия собственного видения перспектив мирового развития. Но далее авторы говорят об условиях продвижения этого видения на международной арене – «способности и политической воле делиться ради этого частью своих ресурсов и технологий с другими странами, выступать поставщиком глобально значимых общественных благ». Вряд ли все эти условия можно безоговорочно считать имеющимися налицо. То же самое относится к *экономическому критерию* – высокому уровню самодостаточности и устойчивости экономики за счет надежного доступа к широкому спектру ресурсов и технологий их использования (снова технологии как «путь преткновения»); к *интегрирующему критерию* – высокому уровню внутренней консолидированности и устойчивости, на основе однородной политической культуры, единых духовно-нравственных ценностей и других элементов цивилизационной идентичности (политическое единство сегодня – очевидный факт, цивилизационная идентичность – предмет незавершенных поисков); *проектному критерию* – успешному воплощению в жизнь собственной модели государственного (национального) развития (какую именно из «опробованных» Россией моделей считать успешной остается вопросом общественных дискуссий) [Дробинин, Пискунов 2025: 8].

Если согласиться с тем, что многополярность характеризует скорее вектор изменений, а не установившуюся равновесную структуру мирового порядка, нельзя не обратить внимание на глубокие диспропорции удельного веса тех четырех полюсов, которые фигурируют в вышеприведенной презентации М.С. Орешкина.

Весьма значительна и практически не поддается выравниванию асимметрия демографических масштабов эвентуальных полюсов многополярного мира. Оценки и прогноз Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, при всей условности конкретных цифровых показателей адекватно представляют общие тенденции демографического развития (Таблица 2.12). Для полноты картины я включил данные по Северной, Южной и Западной Европе, чтобы, не занимаясь страновой выборкой и суммированием данных по Европейскому Союзу, все-таки учесть приблизительный совокупный вес фактора Евроатлантического единства.

Таблица 2.12

Оценка и прогноз численности населения основных мировых центров
(тыс. человек)

Страна/регион	2023	2050	2100
Россия	145 675	136 256	126 439
США	342 475	380 413	421 007
Европа (Северная, Южная, Западная)	459 076	447 907	392 488
Китай	1 424 261	1 265 432	638 685
Индия	1 431 703	1 677 687	1 509 107

Источник: [World Population... 2024].

Если не вдаваться в детали меняющегося соотношения в демографическом весе Китая и Индии и не привлекать данные по таким растущим центрам как Индонезия, Пакистан, Нигерия или Бразилия, то относительно России очевидно одно – демография уже никогда не будет самостоятельным фактором ее силы и мирового влияния.

В международных сравнениях экономического потенциала с российской стороны приоритет отдается оценкам по паритету покупательной способности валют. В таком измерении российская экономика занимает четвертое место в мире, а в пересчете на душу населения превосходит Китай и Индию, занимающие по объему ВВП первое и третье места, соответственно (Таблица 2.13).

Таблица 2.13

Валовой внутренний продукт стран мира

Страна	ВВП по ППС в млрд. долл. США	ВВП по ППС на душу населения в долл. США
Китай	38 191,1	27 105
США	29 184,9	85 810
Индия	16 190,8	11 159
Россия	6 921,2	47 362
Япония	6 407,7	51 685
Германия	6 037,9	72 300

Источник: [Россия и страны... 2025: 110, 111].

Но таблица показывает, что ВВП России по ППС более чем в 5 раз меньше китайского, более чем в 4 раза меньше американского и более чем в 2 раза

меньше индийского, тогда как объемы ВВП Японии и Германии, следующих за Россией на пятом и шестом местах, также превышают 6 трлн. долл. А показатель ВВП на душу населения в России ниже, чем у большинства европейских стран, включая, например, Румынию, Литву и Эстонию.

Не подлежит сомнению, что в мировой экономике формируется несколько центров силы, на которые будут замыкаться контуры товарных и финансовых потоков. Китай и Индия в их числе, но ни США, ни Европейский Союз как центры экономической мощи никуда не исчезают (Таблица 2.14).

Таблица 2.14

Доля стран в мировой экономике и населении

Страна	Доля в мировом ВВП, %	Доля в мировом экспорте товаров и услуг, %	Доля в мировом населении, %
США	14,9	9,9	4,3
ЕС	11,6	25,4	4,4
Китай	19,5	11,8	17,7
Индия	8,3	2,6	18,2
Россия	3,5	1,5	1,8

Источник: [World Economic... 2025: 107].

По оценке российских экспертов полноценными центрами экономической силы в мире в настоящее время можно считать Северную Америку во главе с США, ЕС и Китай. Экономический потенциал России пока недостаточен для того, чтобы стать полноценным центром силы. Она отстает от этих мировых центров практически по всем параметрам, в том числе по показателям научно-технического развития – в десятки раз [Россия и мир... 2024: 28; Широков и др. 2024: 76, 77]. В докладе Института экономики РАН о структурных изменениях в российской экономике и политике технологической трансформации констатируется, что России сегодня нет среди лидеров в ключевых критических и сквозных технологиях по количеству патентов и публикациям, по контролю над рынком в областях, связанных с четвертой промышленной революцией [Структурные изменения... 2025: 43]. Речь идет об искусственном интеллекте, интернете вещей, обработке больших данных, высокоскоростном интернете, технологии блокчейна, многомерной печати, робототехнике и т.д.

Во всех этих областях идет глобальная гонка, и лидерами в ключевых прорывных технологиях четвертой промышленной революции – искусственном интеллекте, квантовых вычислениях, полупроводниках – являются США, Китай и Европа. Причем, как показало масштабное исследование европейских аналитических центров Buegel и MERICS идет интенсивная диффузия инноваций, что позволяет отстающим догонять лидеров. Быстрее всего новые технологии из других экономик перенимают США, Китай – несколько медленнее, а Европа – относительно долго. Между патентованием китайской радикальной инновации в квантовых вычислениях и ее репликацией в американских патентах в среднем проходит меньше двух месяцев. А ссылка на китайскую инновацию в полупроводниковой области и в сфере ИИ появляется в американских патентах через 70

и 75 дней соответственно. Китайские разработчики заимствуют у США революционные изобретения в квантовых вычислениях и в ИИ в среднем через 2,5 месяца, а изобретения в полупроводниковой сфере – примерно через 120 дней. Технологическое лидерство США и Китая – во многом результат тесной интеграции их инновационных систем, которая сохраняется, несмотря на введение США экспортного контроля в критически важных технологиях в 2022 г.¹ Оставаться в стороне от этой гонки, быть исключенным из диффузии инноваций значит все больше отставать от лидеров.

Специфика текущей ситуации для России. Для России реализация конструктивного сценария вхождения в число мировых центров экономической силы путем сближения уровня душевого ВВП с параметрами развитых стран на основе интенсивного научно-технологического развития и обеспечения технологических достижений глобального уровня чрезвычайно затруднена в условиях, когда:

- западные страны усиливают ограничения на внешнеэкономический обмен России, а крупные развивающиеся страны рассматривают РФ исключительно как источник поставляемых с дисконтом природных ресурсов и потенциальный рынок сбыта своей продукции;

- при недостаточности темпов собственного научно-технического развития РФ недружественные страны располагают сильным рычагом воздействия на российскую экономику в виде существенных ограничений на доступ к зарубежным технологиям, а наиболее развитые дружественные страны не спешат вступать с ней в долгосрочную и глубокую технологическую кооперацию;

- жесткая конфронтация с Западом делает необходимым поддержание более значительных расходов на оборону и охрану правопорядка, что требует дополнительного перераспределения средств от населения и бизнеса в пользу государственных расходов [Широв и др. 2024: 78, 79].

Все это напрямую связано с таким особым обстоятельством, как специальная военная операция, идущая с февраля 2022 года. А. Дробинин и Е. Пискунов подчеркивают высокую значимость СВО в процессе перестройки миропорядка: «Она убедительно продемонстрировала пределы гегемонистских возможностей США и их сателлитов. Политическое значение СВО признается всеми, а ее трансформирующую роль в мировой истории еще только предстоит оценить» [Дробинин, Пискунов 2025: 6]. В общеисторическом масштабе это не вызывает сомнений. Но с точки зрения ближайших последствий для решения задач перехода России к инновационному развитию оценка не может быть столь однозначной. Иногда говорят о будущей «победе» над Украиной, как если бы речь шла о двустороннем межгосударственном конфликте, где военная победа гарантирует достижение всех политических целей и возвращение к «мирным», «нормальным» отношениям со странами, составившими враждебную России коалицию. На данном этапе хода военных действий не просматривается перспектива разгрома вооруженных сил противника, ликвидации нынешнего киевского режима,

¹ Демьяненко В. Глобальная гонка технологий: сравнение США, Европы и Китая. [Электронный ресурс]. 6 июня 2025. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/globalnaya-gonka-tehnologiy-sravnienie-ssha-evropy-i-kitaya/> (дата обращения 11.01.2026).

денацификации Украины или овладения Россией новыми крупными территориями за пределами Донбасса. Все это подразумевается с точки зрения тех, кто говорит о военной победе. Более реалистичным сценарием достижения военных целей СВО следовало бы считать принуждение киевского режима и его западных союзников к отказу от прямой вооруженной борьбы против России не только в ближайшее время, но и на перспективу. Этим не будет ликвидирована глубокая и длительная враждебность, украинского государства и стран Запада к России, или предотвращено расширение масштабов использования ими всех иных способов давления на нее (при сохранении и военной угрозы в связи с гонкой вооружений, наращиваемой Западом). А наиболее развитые и могущественные государства, классифицируемые в качестве «дружественных» России, вряд ли пойдут на реализацию форм сотрудничества с ней, в наибольшей степени отвечающих интересам ее ускоренного научно-технологического и экономического развития. Столь же очевидно стремление наиболее близких России (не исключая Белоруссию) постсоветских государств (Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии) уравновесить свои отношения с ней более тесными связями с другими мировыми центрами – Китаем и США, в первую очередь.

Таким образом, за счет связей с альтернативными партнерами можно будет лишь частично нивелировать негативный эффект долгосрочных и беспрецедентных по масштабу санкций со стороны Запада на кратко- и среднесрочном горизонте, предупреждают экономисты. Обретя устойчивый характер, санкционные шоки перерастают в длительный макроэкономический стресс, в экономике запускается механизм структурного упрощения. Классические антикризисные меры бессильны перед таким стрессом, необходимо менять внутренний экономический курс [Смородинская, Катукоев 2022: 61].

Вместе с тем, если бы гипотетически допускался сценарий завершения СВО в результате военного поражения России, то все указанные выше негативные факторы приобрели бы катастрофический характер. Военной победе России в СВО в обозначенном выше смысле нет альтернативы. Но с точки зрения интересов политики развития и закрепления за Россией статуса одного из мировых центров в многополярной мировой системе, важно, чтобы завершение СВО расширило возможности для дискреционных решений и комплексного наращивания экономического и культурного потенциала влияния страны наряду с военно-политическим. Упрочение позиций Российской Федерации как одного из самостоятельных, ответственных и влиятельных центров современного мира требует, чтобы политический суверенитет и военная мощь страны дополнялись не просто устойчивостью экономики, а ее конкурентоспособностью, опережающим развитием на передовой научно-технологической базе; не просто гражданской сплоченностью, а привлекательным образом свободного и динамичного общества.

Заключение

Сосредоточение научного интереса и общественного внимания на мегатрендах – тех явлениях и процессах, которые уже налицо в настоящее время, и которые будут так или иначе определять условия и формы существования людей в

ближайшие десятилетия на глобальном, национальном, субнациональном (региональном) и локальном уровне, свидетельствует о двух вещах. Во-первых, о том, что рефлексия глубинного, фундаментального порядка развивается в современном обществе не постфактум, не тогда, когда обнаружат себя все последствия новых явлений, а с самого начала инновационной динамики. Во-вторых, о том, что эта рефлексия имеет практическую направленность – поиск путей и средств эффективного использования преимуществ инновационной развития и минимизации рисков и угроз с ним связанных.

Россия не может не включиться в глобальную научно-технологическую гонку, но она имеет неблагоприятные стартовые позиции. По состоянию на середину 2020-х гг. ее место в глобальном инновационном индексе далеко не соответствует ее статусу великой державы. При этом наиболее высокие позиции она занимает по показателю «человеческий капитал и наука», а наиболее низкие – по качеству институтов. Активная государственная поддержка и возможности широкого международного сотрудничества в передовых отраслях науки и технологий являются необходимыми условиями интенсификации инновационного развития. На этом пути страна встречает значительные препятствия. Хотя в последние годы наблюдается некоторый рост доли промышленной продукции высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей высокого уровня, последствия «примитивизации» российской экономики и ослабления научно-технологического потенциала в 1990-2000-е гг. далеки от преодоления. Серьезным сдерживающим фактором экономического прогресса страны выступает такой мегатренд, как демографический переход. Он носит мировой характер, но развивается неравномерно. Снижение рождаемости, сокращение численности и старение населения в России уже приобрели необратимый характер. Демография из ресурса превратилась для страны в проблему. И отставание в научно-технологической сфере, и демографические проблемы в данном случае имеют геополитическое измерение. Идет трансформация миропорядка, и Россия не может уклониться от роли одного из центров в его новой конфигурации. В связи со всем отмеченным выше указывается на необходимость «смены модели» экономического развития страны. Но «смена модели» – это не рутинный поворот в рамках экономической политики правительства. Она может быть результатом либо глубокого экономико-социального переворота, либо более или менее длительного периода структурной перестройки экономики. При этом, в условиях современного мирового развития особое значение приобретает фактор времени. Научно-технологические изменения развиваются с нарастающим ускорением.

Предпосылок для экономико-социального переворота в современной России не просматривается, а если бы и присутствовали, то в напряженной геополитической ситуации они несли бы угрозу краха государственности. Но «смена модели» экономического развития России в любом случае не может быть единовременным актом. Для нее потребуется некий переходный период, в течение которого будут действовать и долговременные, уже наличествующие, и могущие возникнуть новые факторы, усложняющие решение задач научно-технологического прогресса и инновационного развития в целом. Следовательно, потребу-

ется мобилизация всех сил государства и общества, чтобы обеспечить ускоренное научно-технологическое и экономическое развитие страны, позволяющее сократить или – в идеале – ликвидировать существенное отставание от мировых лидеров в исторически короткие сроки.

Гладкая адаптация региона к новым условиям своего существования была бы возможна при отсутствии ограничений и препятствий на полноценное включение страны в глобальную инновационную динамику и при динамичном выравнивании социально-экономических структур регионов в рамках государственных программ пространственного развития. В обозримой перспективе оба эти условия не просматриваются. Между тем, независимо от меры включения территории региона в процессы современного развития, его основные тенденции будут определять структуру возможностей для каждого члена регионального социума. Эта ситуация порождает двойной вызов для региональных властей и общества.

Во-первых, внешние (геополитические) препятствия и внутренние (ресурсные) ограничения для активной государственной политики регионального развития повышают ответственность и роль самого региона в достижении ее целей. Если государство должно мобилизовать все необходимые ресурсы – интеллектуальные, человеческие, финансовые, материальные – для общенационального прорыва в научно-технологическом и экономической развитии, то регион должен делать то же самое на своей территории в пределах своих полномочий.

Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях «вынесения» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия несет угрозу дезинтеграции традиционных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности. Если коллективная и индивидуальная адаптация к научно-технологической и экономико-социальной революции современности не будут развиваться рука об руку, эти угрозы для народов региона станут неотвратимыми. Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

И максимальная мобилизация всех ресурсов регионального развития, и совмещение индивидуального и социально-регионального измерений в современных трансформационных процессах возможны только в рамках выверенной стратегии регионального инновационного развития. И это возвращает к затронутому во введении к статье вопросу о роли рефлексивности в жизни современного общества.

Очевидно, что рефлексивность как следствие модернизации является воплощением зрелой рациональности, дошедшей до завершения рационализации общественных практик, а стратегию, в этом смысле, можно определить как «расширенное» и структурированное целерациональное действие. Оно включает в себя принцип обратной связи, строится на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов.

Когда речь идет о личных стратегиях, способность к рациональной рефлексии – это вопрос интеллектуальной и психологической зрелости личности. Когда же речь идет о стратегии не только для страны, но и для отдельного региона, в нее вовлекаются компетенции, опыт, интересы многих, а в пределе – всех членов общества. Рациональная рефлексия в этом случае приобретает общественный характер, что предполагает наличие определенных социально-политических условий, институтов и публичных процедур, среди которых:

- способность научного экспертного сообщества выступать в качестве независимого носителя интеллектуального и социального авторитета, с которым считаются общество и региональные власти;

- осознание обществом и властью того, что социально-критическая функция науки – это ее сущностная, неустранимая характеристика, ее позитивный вклад в решение общественных проблем;

- наличие в регионе открытой публичной сферы, через которую ведется общественный поиск решения возникающих проблем, а научные экспертные оценки и рекомендации – входят в массовое сознание и практику;

- реальное функционирование ключевого института, придающего смысл общественным дискуссиям – свободных и справедливых выборов, как реального механизма формирования власти и обеспечения ее ответственности перед обществом.

Эти условия, институты и процедуры в качестве инфраструктуры и нормативной модели функционирования общества и государственной власти в регионе формально могут считаться наличествующими. Будут ли они переведены из «спящего» состояния в активный рабочий режим остается под вопросом. Во всяком случае, региональный эволюционный процесс сформировал базовые предпосылки, а глобальный и национальный российский контекст существования региона предъявляет сегодня настоятельный запрос на мобилизацию всех его социальных ресурсов для перехода на путь инновационного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Дайджест... 2024 – Дайджест инновационного развития № 11: Россия в Глобальном инновационном индексе [Электронный ресурс]. Дата выпуска 25.11.2024 // Аналитический дайджест инновационного развития: сайт. URL: <http://инновационное-развитие.рф> (дата обращения 21.02.2026).

Демографический ежегодник... 2023 – Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.

Заседание... 2021 – Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. 21 октября 2021 года // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 28.10.2025).

Заседание Совета... 2025 – Заседание Совета Безопасности Российской Федерации 10 июня 2025 года [Электронный ресурс]. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160> (дата обращения 10.06.2025).

Изменение численности... 2023 – Изменение численности населения по вариантам прогноза [Электронный ресурс]. 29.12.2023 // <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> // Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 06.03.2026).

Квартальный прогноз... 2026 – Квартальный прогноз ВВП. Выпуск № 69. Опубликовано: 16.03.2026. – М.: ИНП РАН, 2026. – 54 с.

Компоненты... 2025 – Компоненты изменения численности населения [Электронный ресурс]. 25.04.2025. // Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 06.03.2026).

Наука. Технологии... 2025 – Наука. Технологии. Инновации: 2025: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 104 с.

О динамике... 2026 – О динамике промышленного производства. Январь 2026 года [Электронный ресурс] (2026) // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/d28da33de877d11122ee727e2af3d85a/2026_02_27.pdf (дата обращения 01.03.2026).

Прогноз... 2026 – Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] (2026) // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения 24.02.2026).

Промышленное производство... 2016 – Промышленное производство в России. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 347 с. – С. 24-34.

Промышленное производство... 2021 – Промышленное производство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 305 с.

Промышленное производство... 2025 – Промышленное производство в России. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 250 с.

Российский статистический... 2025 – Российский статистический ежегодник. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025 – 621 с.

Россия и страны... 2025 – Россия и страны мира. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 354 с.

Стратегия действий... 2025 – Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [Электронный ресурс]. // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/54573/> (дата обращения 13.03.2026).

Указ Президента... 2007 – Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. 09 октября 2007. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299?ysclid=mmoon51bka704511271> (дата обращения 13.03.2026).

Указ... 2016 – Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/?ysclid=mrj3jtr5fa460441609> (дата обращения 13.07.2026).

Указ... 2023 – Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=mlnimyf7vs754354087> (дата обращения 15.02.2026).

Указ... 2024 – Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения 13.02.2026).

Форум... 2025 – Форум АСИ «Сильные идеи для нового времени» [Электронный ресурс]. 3 июля 2025 г. // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77353> (дата обращения 03.07.2025).

Численность населения... 2023 – Численность населения по отдельным возрастным группам [Электронный ресурс]. 29.12.2023 // Росстат: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 06.03.2026).

Global Innovation... 2025 – Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. Geneva: World Intellectual Property Organization (WIPO), – 2024. – 296 pp. DOI: 10.34667/tind.58864

World Economic... 2025 – World Economic Outlook (International Monetary Fund). A Critical Juncture amid Policy Shifts. April 2025. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. – 170 p.

World Population... 2024 – World Population Prospects 2024. File GEN/01/REV1: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950-2100. Medium fertility variant, 2024-2100 [Online resource]. // United Nations: site. URL: <https://population.un.org/wpp/downloads?folder=Standard%20Projections&group=Most%20used> (date of access 03.03.2026).

Литература

Ахапкин 2025 – Ахапкин Н.Ю. Динамика промышленного производства в России: эффекты санкционных ограничений и изменений отраслевой структуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 6. – С. 7-23.

Боркин, Сайфитдинова 2024 – Боркин Л.Я., Сайфитдинова А.Ф. Наукометрия, оценка научной деятельности ученых и научная политика в России // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 103-143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906

Боров 2025 – Боров А.Х. Концептуальные основы интерпретации региональной истории: теории эволюции и модернизации // Вестник КБИГИ. – 2025. – № 4-1 (67). – С. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32 EDN: [NQIAII](https://nqiaii.ru)

Власова 2025 – Власова В.В. Глобальный инновационный индекс – 2025. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1085304545.html>.

Власова, Дитковский 2025 – Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: <https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html>. (дата обращения 24.02.2026)

Гринберг 2015 – Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 1. – С. 10-29.

Дмитриченко 2023 – Дмитриченко А. Беспольярность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. – 2023. – № 3. – С. 4-9.

Донской, Ужакова 2024 – Донской Д.А., Ужакова М.В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. – 2024. – №4 (12). – С.51-61. DOI:10.24412/2782-4845-2024-12-51-61

Дробинин, Пискунов 2025 – Дробинин А., Пискунов Е. Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты // Международная жизнь. – 2025. – № 8. – С. 4-13.

Дынкин 2024 – Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 8-23. DOI <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02>. EDN: ETDUKS

Егоров, Штоль 2023 – Егоров В., Штоль В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение // Международная жизнь. – 2023. – № 2. – С. 64-75.

Еремин и др. 2025 – Еремин В.В., Побываев С.А., Сильвестров С.Н. Экономические факторы глобальной турбулентности // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 6. – С. 86-108.

Комков 2019 – Комков Н.И. Анализ и оценка перспектив реализации Стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 5 (176). – С. 73–87. EDN SCVJGO.

Коннов, Талагаева 2023 – Коннов В.И., Талагаева Д.А. Понятие “инноваций” как политический инструмент: от линейной инновационной модели к “треугольнику знаний” // *Полис. Политические исследования*. – 2023. – № 5. – С. 29-44. DOI: [10.17976/jpps/2023.05.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.03). EDN: [ICNSVF](https://icnsvf.org/)

Нейсбитт 2003 (1982) – Нейсбитт Дж. Мегатренды. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 380 с.

Нешиной 2014 – Нешиной А.С. Оценка промышленного потенциала России и уровня его использования (императив модернизации промышленного производства) // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2014. – № 29 (266). – С. 14-34.

Российская экономика...2025 – Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Научный доклад: кол. авт. / Под ред. М.Ю. Головнина. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 120 с.

Рыбаковский, Фадеева 2025 – Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Итоги естественного и общего движения населения России и ее регионов (2001–2024 гг.) // *ДЕМИС. Демографические исследования*. – 2025. – Т. 5. – № 4. – С. 133–145. DOI 10.19181/demis.2025.5.4.8. EDN FWTRJA.

Савельева, Полетаев 1997 – Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.

Семёнов 2024 – Семёнов Е.В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // *Управление наукой: теория и практика*. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 53–62. DOI 10.19181/sntp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

Смирнов 2025 – Смирнов А.В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // *ДЕМИС. Демографические исследования*. – 2025. – Т. 5. – № 2. – С. 22–39. DOI 10.19181/demis.2025.5.2.2. EDN SLFPOW.

Смородинская, Катуков 2022 – Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2022. – № 6. – С. 52–67.

Структурные изменения... 2025 – Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации: Доклад / Е.Б. Ленчук (отв. ред.), Н.Ю. Ахапкин, Л.Н. Лыкова, И.А. Николаев, В.И. Филатов. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 72 с.

Хаас 2008 – Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. – 2008. – № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolynogo-mira/> (дата обращения 11.02.2026).

Шваб 2016 – Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016. – 138 с.

Широв и др. 2024 – Широв А., Порфирьев Б., Гусев М., Колпаков А. Россия в условиях регионализации мировой экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 11. С. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.

Щербакова 2025 – Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2024 года. [Электронный ресурс]. // *Демоскоп.ру: сайт. Демоскоп weekly*. – № 1071-1072. – 15 апреля – 28 апреля 2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom01.php> (дата обращения 17.03.2026).

Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025 – Юнина-Пакулова Н.Ю., Сидоренко И.А. Понятийно-категориальный анализ термина «временная перспектива личности» в отечественной и зарубежной психологии // *Теоретическая и экспериментальная психология*. – 2025 – № 18 (1). – С. 86-97. DOI: 10.11621/TEP-25-05

Giddens 1990 – Giddens A. *The Consequences of Modernity*. – Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. – 186 p.

Hajkowicz 2015 – Hajkowicz S. *Global megatrends: Seven patterns of change shaping our future*. – Clayton South, VIC: CSIRO Publishing, 2015. – 210 pp. <https://doi.org/10.1201/9781315364438>

Koselleck 2004 – Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. – New York: Columbia University Press, 2004. – Pp. 255-276.

Naisbitt, Aburdene 1990 – Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000. Ten new directions for the 1990's. – N.Y.: William Morrow and Company, 1990. – 384 pp.

Naughtin et al. 2024 – Naughtin C.K., Schleiger E., Bratanova A., Terhorst A., Hajkowicz S. Forty years in the making: A systematic review of the megatrends literature // *Futures*. – 2024. – Vol. 157. – P. 103329. [Online resource] // ScienceDirect: site. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328724000120> (date of access 08.02.2026). <https://doi.org/10.1016/j.futures.2024.103329>

Schwab, Davis 2018 – Schwab K., Davis N. Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. A Guide to Building a Better World. – New York: Currency, 2018. – 385 pp.

REFERENCES

AKHAPKIN N.Yu. *Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Rossii: ehffekty sanktsionnykh ogranichenii i izmenenii otraslevoi struktury* [Industrial Production Dynamics in Russia: Effects of Sanctions Restrictions and Changes in the Industry Structure]. IN: *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. – 2025. – No. 6. – P. 7-23. (In Russ.).

BORKIN L.Ya., SAIFITDINOVA A.F. *Naukometriya, otsenka nauchnoi deyatel'nosti uchenykh i nauchnaya politika v Rossii* [Scientometrics, Assessment of Scientific Activities of Scientists, and Science Policy in Russia]. IN: *Mezhdistsiplinarnyi nauchnyi i prikladnoi zhurnal «Biosfera»*. – 2024. – T. 16. – No. 1. – P. 103-143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906. (In Russ.).

BOROV A.Kh. *Kontseptual'nye osnovy interpretatsii regional'noi istorii: teorii ehvolyutsii i modernizatsii* [Conceptual Framework for the Interpretation of Regional History: Theories of Evolution and Modernization]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2025. – No. 4-1 (67). – P. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32 EDN: NQIAII (In Russ.).

DMITRICHENKO A. *Bespolyarnost' kak promezhutochnyi ehtap na puti k mnogopolyarnosti?* [Non-polarity as an Intermediate Stage on the Way to Multipolarity?]. IN: *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2023. – No. 3. – P. 4-9. (In Russ.).

DONSKOI D.A., UZHAKOVA M.V. *Analiz demograficheskoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii. Prognoz na 2024–2026 gg.* [Analysis of the Demographic Situation in the Russian Federation. Forecast for 2024–2026.]. IN: *EHFO. Ehkonomika. Finansy. Obshchestvo*. – 2024. – No. 4 (12). – P. 51-61. DOI:10.24412/2782-4845-2024-12-51-61. (In Russ.).

DROBININ A., PISKUNOV E. *Chto takoe mnogopolyarnyi mirovoi poryadok: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye aspekty* [What is a Multipolar World Order: Topical Theoretical and Practical Aspects]. IN: *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2025. – No. 8. – P. 4-13. (In Russ.).

DYNKIN A.A. *Transformatsiya mirovogo poryadka: ehkonomika, ideologiya, tekhnologii* [World Order Transformation: Economy, Ideology, Technology]. IN: *Polis. Politicheskie issledovaniya*. – 2024. – No. 5. – P. 8-23. DOI 10.17976/jpps/2024.05.02. EDN: ETDUKS. (In Russ.).

EGOROV V., SHTOL' V. *Global'nye megatrendy: aktual'noe prochtenie* [Global Megatrends: A Topical Reading]. IN: *Mezhdunarodnaya zhizn'*. – 2023. – No. 2. – P. 64-75. (In Russ.).

EREMIN V.V., POBYVAEV S.A., SIL'VESTROV S.N. *Ehkonomicheskie faktory global'noi turbulentnosti* [Economic Factors of Global Turbulence]. IN: *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. – 2025. – No. 6. – P. 86-108. (In Russ.).

GIDDENS A. *The Consequences of Modernity*. – Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. – 186 p.

GRINBERG R.S. *Ehkonomika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Economy Of Modern Russia: State, Issues, Prospects]. IN: *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. – 2015. – No. 1. – P. 10-29. (In Russ.).

HAJKOWICZ S. *Global megatrends: Seven patterns of change shaping our future*. – Clayton South, VIC: CSIRO Publishing, 2015. – 210 pp. DOI: 10.1201/9781315364438.

KHAAS R. *Ehpokha bespolyarnogo mira* [The Era of a Non-polar World]. [Ehlektronnyi resurs] IN: *Rossiya v global'noi politike*. – 2008. – No. 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/> (data obrashcheniya 11.02.2026). (In Russ.).

KOMKOV N.I. *Analiz i otsenka perspektiv realizatsii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii* [Analysis and Assessment of the Prospects for Implementing the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia]. IN: Problemy prognozirovaniya. – 2019. – No. 5 (176). – P. 73–87. EDN SCVJGO. (In Russ.).

KONNOV V.I., TALAGAEVA D.A. *Ponyatie “innovatsii” kak politicheskii instrument: ot lineinoi innovatsionnoi modeli k “treugol'niku znaniy”* [The Concept “Innovations” as a Political Instrument: From the linear innovation model to the knowledge triangle]. IN: Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2023. – No. 5. – P. 29–44. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.03. EDN: ICNSVF. (In Russ.).

KOSELLECK R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. – New York: Columbia University Press, 2004. – Pp. 255–276.

NAISBITT J., ABURDENE P. *Megatrends 2000. Ten new directions for the 1990's*. – N.Y.: William Morrow and Company, 1990. – 384 pp.

NAUGHTIN C.K., SCHLEIGER E., BRATANOVA A., TERHORST A., HAJKOWICZ S. *Forty years in the making: A systematic review of the megatrends literature*. IN: Futures. – 2024. – Vol. 157. – P. 103329. [Online resource] // ScienceDirect: site. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328724000120> (date of access 08.02.2026). DOI: [10.1016/j.futures.2024.103329](https://doi.org/10.1016/j.futures.2024.103329).

NEISBITT Dzh. *Megatrendy* [Megatrends]. – M.: AST; Ermak, 2003. – 380 p. (In Russ.).

NESHITOI A.S. *Otsenka promyshlennogo potentsiala Rossii i urovnya ego ispol'zovaniya (imperativ modernizatsii promyshlennogo proizvodstva)* [Evaluation of the Industrial Potential of Russia and the Level of its Use (Imperative of modernizing industrial production)]. IN: Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2014. – No. 29 (266). – P. 14–34. (In Russ.).

Rossiiskaya ehkonomika pod sanktsionnym davleniem: promezhutochnye itogi (2022–2025 gg.) i perspektivy razvitiya. Nauchnyi doklad: kol. avt. / Pod red. M.Yu. Golovnina [Russian Economy Under Sanction Pressure: Preliminary Results (2022–2025) and Prospects for Development. Scientific Report: Collective of Authors / Ed. by M.Yu. Golovnin]. – M.: IEh RAN, 2025. – 120 p. (In Russ.).

Rossiya i mir: 2025. Ehkonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz / ruk. projekta: A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii; otv. red.: I.Ya. Kobrinskaya, G.I. Machavariani [Russia and the World: 2025. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy. A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky (project leads); I. Kobrinskaya, G. Machavariani (eds.)]. – Moskva: IMEHMO RAN, 2024. – 213 p. (In Russ.).

RYBAKOVSKII O.L., FADEEVA T.A. *Itogi estestvennogo i obshchego dvizheniya nasele-niya Rossii i ee regionov (2001–2024 gg.)* [Results of the Natural and General Population Change in Russia and Its Regions (In 2001–2024)]. IN: DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2025. – T. 5. – No. 4. – P. 133–145. DOI 10.19181/demis.2025.5.4.8. EDN FWTRJA. (In Russ.).

SAVELEVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of the Lost]. – M.: «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. – 800 P. (In Russ.).

SCHWAB K., DAVIS N. *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. A Guide to Building a Better World*. – New York: Currency, 2018. – 385 pp.

SEMENOV E.V. *Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: kachestvo dokumenta* [Scientific and Technological Development Strategy of the Russian Federation: The quality of the document]. IN: Upravlenie nauko: teoriya i praktika. – 2024. – T. 6. – No. 3. – P. 53–62. DOI 10.19181/sntp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY. (In Russ.).

SHERBAKOVA E. *Migratsiya v Rossii, predvaritel'nye itogi 2024 goda* [Migration in Russia: Preliminary Results for 2024]. [Elektronnyi resurs]. // Demoskop.ru: sait. Demoskop weekly. – No. 1071–1072. – 15 aprelya – 28 aprelya 2025. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom01.php> (data obrashcheniya 17.03.2026). (In Russ.).

SHIROV A., PORFIR'EV B., GUSEV M., KOLPAKOV A. *Rossiya v usloviyakh regionalizatsii mirovoi ehkonomiki* [Russia under the Conditions of Global Economy Regionalization]. IN:

Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2024. – Vol. 68. – No. 11. – P. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83. (In Russ.).

SHVAB K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. – М.: «Ehksmo», 2016. – 138 p. (In Russ.).

SMIRNOV A.V. *Demograficheskie i ehkonomicheskie posledstviya pandemii COVID-19 v Rossiiskoi Federatsii* [Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation]. IN: DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2025. – T. 5. – No. 2. – P. 22–39. DOI 10.19181/demis.2025.5.2.2. EDN SLFPOW. (In Russ.).

SMORODINSKAYA N.V., KATUKOV D.D. *Rossiya v usloviyakh sanktsii: predely adaptatsii* [Russia under Sanctions: Limits of Adaptation]. IN: Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2022. – No. 6. – P. 52–67. (In Russ.).

Strukturnye izmeneniya v rossiiskoi ehkonomike i politika tekhnologicheskoi transformatsii: Doklad / E.B. Lenchuk (otv. red.), N.Yu. Akhapkin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov [Structural Changes in the Russian Economy and the Policy of Technological Transformation: Scientific report / E.B. Lenchuk (ed.), N.Y. Akhapkin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov]. – М.: IEh RAN, 2025. – 72 p. (In Russ.).

YUNINA-PAKULOVA N.Yu., SIDORENKO I.A. *Ponyatiino-kategorial'nyi analiz termina «vremennaya perspektiva lichnosti» v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii* [Conceptual and Categorical Analysis of the Term “Time Perspective” in Russian and Foreign Psychology]. IN: Teoreticheskaya i ehksperimental'naya psikhologiya. – 2025 – No. 18 (1). – P. 86-97. DOI: 10.11621/TEP-25-05. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.